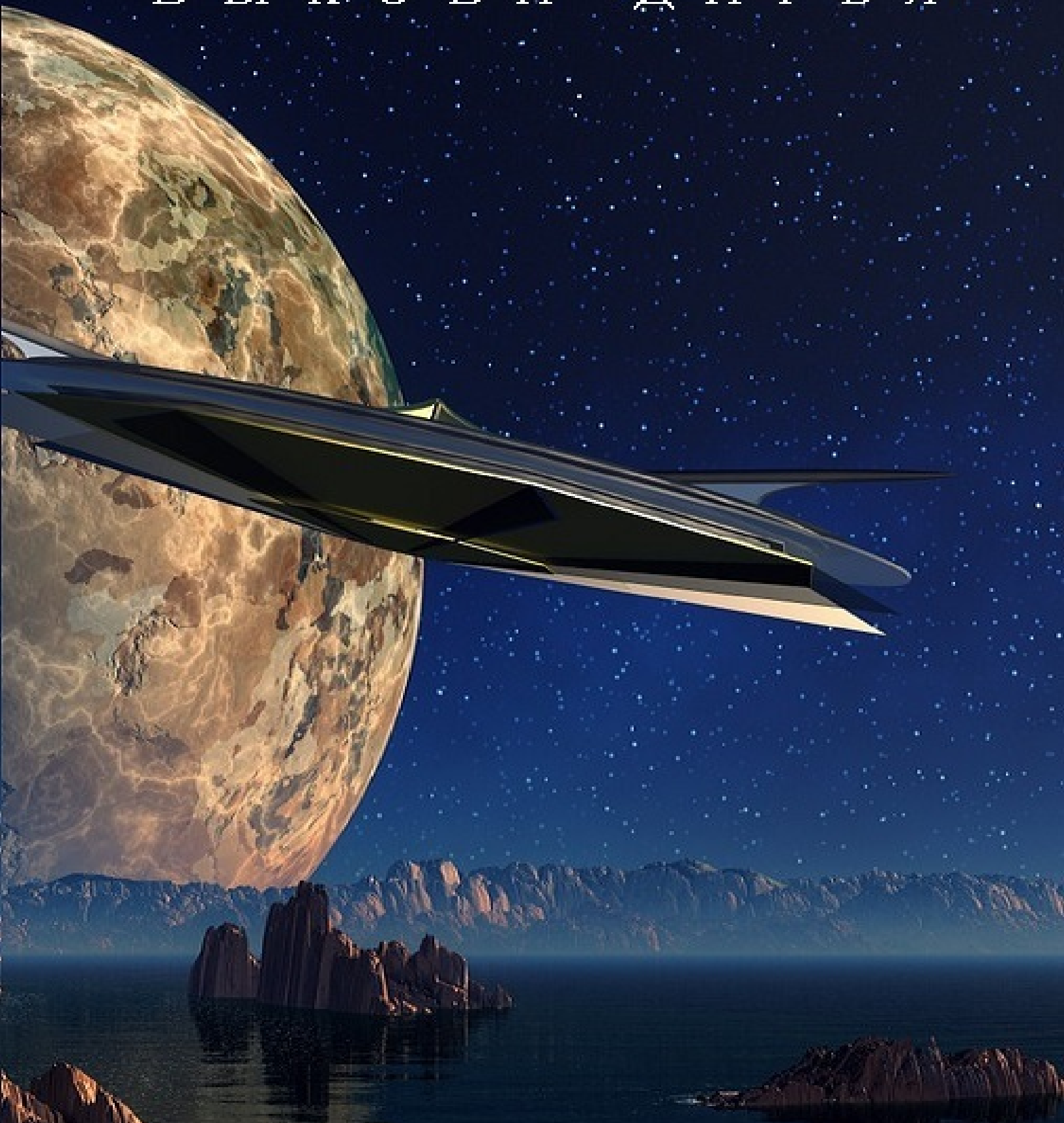

БЫКОВА ДАРЬЯ

СИНЯЯ ЗВЕЗДА
АУРИН

Annotation

Жизнь Рины, скучная и предсказуемая, вдруг делает крутой поворот: у девушки проявляются давным-давно утерянные способности. Чудо? Второй шанс, милостиво дарованный судьбой? Возможно. Вот только уж больно он похож на изысканную насмешку этой самой судьбы. Впрочем, кто знает, чем всё обернётся на самом деле...

Дарья Быкова

Синяя звезда Ауриин

— Рина, Рина Вардес, — скучающим голосом объявил чиновник инспекции магического дара в приоткрытую дверь и устало вздохнул.

Поднявшись со скамейки для ожидающих своей очереди, на которой пребывала в полном одиночестве, я покорно проследовала в кабинет под его скучающим же взглядом. Его можно было понять, этого слегка сутулого седого мужчину в больших и строгих очках — шансов найти у меня магический дар не было никаких. Это знал он, проверивший за свою жизнь десятки тысяч людей, это знала я, и вовсе не желавшая никакого дара, но система была неумолима: каждый год бездетные, не состоящие в браке граждане моложе двадцати шести лет должны являться на проверку магспособностей.

Я подставила руку магометру — палец кольнуло, и прибор зажужжал, вычисляя количество маг в моей крови. Мог бы и не стараться, ответ будет как обычно — ноль целых, ноль десятых. В ожидании я скучающим взором обводила кабинет, привычно скривилась, наткнувшись на агитплакат с Синей звездой — и чего не снимут, десять лет уже прошло... На плакате была молоденькая девушка, у неё были ярко синие глаза и отливающие синим чёрные волосы, в руках она держала синий магический огонь. Надпись внизу давно стёрлась, но я её ещё помнила. Вперёд, за наше будущее! Увы, сама Синяя звезда продержалась очень недолго на передовой. Да и вообще...

— Кхм, позвольте Вашу руку ещё раз, — неожиданно прервал мои размышления инспектор. — А лучше другую, если Вас не затруднит.

Я равнодушно протянула теперь правую руку, сломалось у него там что-то, что ли? Взглянула на гудящий аппарат — стареет. Как и я. Сегодня я тут последний раз — по документам мне завтра исполняется двадцать шесть. А по факту уже исполнилось. Поэтому сказанное враз разволнованным чиновником никак не могло быть правдой:

— Поздравляю, — сказал он, поправляя галстук. — Ноль пять мага, неплохой результат для...

Тут он замялся и, сняв очки, стал их протирать. Но я его и так поняла: "для перестарка". Как правило, способности проявлялись до шестнадцати лет, редко — в двадцать, позже — никогда. Однако проверяли до двадцати шести, потому что учёные ещё двадцать лет назад доказали, что окончательно дар формируется к двадцати пяти. А значит хоть и мизерная, но всё же существовала вероятность обнаружить дар в двадцать пять. Но не в двадцать шесть же. И уж точно не у меня.

— У Вас прибор сломался... — наконец, выдала я немного осипшим голосом. — Это невозможно!

— Девочка... — начал было он, надевая очки. Взглянул через очки на меня и поправился. — Девушка... прибор не ошибся. Мне жаль.

Спасибо хоть почтенной донной не назвал. Да, мне тоже было жаль. Если допустить, что прибор не ошибся, то это великолепная насмешка судьбы. Ноль пять, половина мага — самый минимум, необходимый для поступления в Училище и Защитные силы. Было бы хотя бы ноль четыре — и я бы просто ходила и несколько раз в год сдавала накопленную энергию.

Но дело в том, что у меня даже ноль четыре никак не могло быть. Правда вот донести это до инспектора, не раскрывая подробности своей биографии, чего мне делать совершенно не хотелось, было нереально. И я решила — съезжу в столицу, там всё равно при приёме

проверяют. Заодно Каринку проведу — давно собиралась. Молча взяла у инспектора выписанное им направление и, не глядя на бормочущего под нос “надо же, как бывает” мужчину, вышла за дверь.

Каринка была мне как младшая сестрёнка, хотя по документам я — её опекун. Восемь лет назад, когда я поняла, что сделанного не исправить, и задыхалась от бессмысленности и пустоты собственной жизни, только это меня и спасло — я взяла из приюта шестилетнюю крошку, которую не спешили брать другие из-за минимальных шансов на проявление дара. Иметь дар было престижно, а тогда ещё не отгремела слава Синей звезды, и все хотели вырастить свою звёздочку. В семье Карины дар не проявлялся никогда, и усыновители год за годом у неё на глазах выбирали других. Правда, мне её всё равно отдавали неохотно — я была слишком молода. И абсолютно одинока. Но у меня была квартира, более или менее приличная работа — учитель истории в школе, и мы с малышкой быстро нашли общий язык. Сначала мне, вернее, нам с ней дали испытательный срок, а потом уже оформили опеку.

По иронии судьбы, дар у Каринки проявился, причём рано — в тринадцать лет, и довольно сильный, куда там моим нынешним ноль пять, у неё были все четыре, а то и четыре с половиной. И могло стать ещё больше.

В Училище я отпустила её беспрекословно, хотя могла ещё годик подержать около себя, мне, что уж говорить, этого хотелось. Но слушая по видеофону её счастливое щебетание и видя сияющие глаза, я понимала, что сделала всё правильно. Хотя жизнь в одиночестве меня пугала...

В столицу, Алтаг, я отправилась следующим утром, прихватив гостинцев для любимой сестрёнки — домашнюю выпечку.

Несмотря на то, что на календаре была ещё весна, по факту уже всю хозяйничало лето. Я подставила лицо лёгкому ветерку, пока стояла на платформе в ожидании скоростной электрички, и чувствовала, как испаряется неприятный осадок от ошибки прибора, и уходит глупое волнение. Я же почти два года убила на изучение этого вопроса в своё время, и всё, однозначно всё, говорило, что дара у меня уже никогда не будет. Так что это просто досадная ошибка.

В электричке было жарко, но, к счастью, почти пусто — рабочий день всё же, я пристроилась на место у окна и достала детектив. Каринка у меня зачитывалась любовными романами, а я не могла. То ли перечитала в своё время, то ли сказывалась неустроенная личная жизнь... И нежелание её устраивать.

До Училища от вокзала я шла пешком, впитывая звуки и атмосферу большого города — иногда по ним скучалось. Очень. И всё равно пришла раньше, чем заканчивались занятия, но это было и к лучшему — разделаюсь с этой нелепой ошибкой и встречусь с сестрёнкой уже без камня на душе.

— Двадцать шесть? — с непередаваемой интонацией произнесла секретарь приёмной комиссии, и я сразу ощутила гордость напополам с неловкостью за то, что дожила до столь преклонных лет. И желание оправдаться за сломанный прибор в нашей провинциальной инспекции. Но благоразумно воздержалась.

— Проходите, — с кислым лицом она указала на новенький, не чета нашему ветерану, прибор.

Я подставила руку, практически не почувствовала укол — всё же технологии не стоят на месте, и приготовилась вежливо и с достоинством попрощаться и уйти. Однако судьба

распорядилась иначе.

— Ноль шесть мага, — не веря своим глазам, произнесла секретарь, а я отказалась верить ушам.

— Давайте ещё раз проверим? — жалобно попросила, пёс с ним с достоинством.

Мы попробовали, и вместе молча смотрели на маленький кусочек бумажки, который выплюнул чудо-прибор. "0.6 маг" — упрямо утверждал он.

— А... — начала было секретарь, и беспомощно замолчала.

Я тоже молчала и, боюсь, ещё более беспомощно. Меня тянуло истерически расхохотаться — воистину, судьба решила на мне отыграться за мои выкрутасы.

В юности я была невыносима, как я теперь понимаю. У меня очень рано обнаружили дар, сильный и уникальный дар, и это снесло мне крышу. Напрочь. Я была самой молодой и самой сильной на курсе, а теперь буду самой слабой и самой старой. О, да! Есть в этом тонкая издёвка мироздания.

— Может, откажетесь от дара? — сочувственно предложила секретарь, но я только помотала головой — один раз уже отказалась. Хватит судьбу гневить, а то она ещё и не такое придумает.

Я скинула сообщение Карине на видеофон, что жду её во дворе Училища, на скамейке возле фонтана, и теперь гипнотизировала взглядом этот самый фонтан. Хотелось почему-то сунуть туда голову: то ли чтобы привести мысли в порядок, то ли чтобы утопиться. Периодически меня разбирал нервный смех — я дважды рекордсмен. Точнее, рекордсмен и антирекордсмен. Как сказать малышке Карине, что её великовозрастная сестра вдруг обзавелась мизерным даром, я не представляла.

И не сказала. Не смогла. Мы мило поболтали, я отдала ей выпечку, и она, чмокнув меня в щёку, убежала. А я осталась сидеть, и идея утопиться становилась всё заманчивее.

— Это Вы — Рина Вардес? — рядом со мной на скамейку опустился капитан — я ещё не разучилась читать знаки отличия — Защитных сил. Ему было лет пятьдесят, но он просто лучился энергией, как двадцатилетний.

— Угумс, — сказала я, подарив ему немного отчаянный взгляд. — А фонтан у вас тут глубокий?

Он заразительно рассмеялся и легонько хлопнул меня по плечу, как будто мы с ним боевые товарищи.

— Раз чувство юмора Вам не отказало, значит, не всё так плохо, — с улыбкой заключил он. И уже по-деловому добавил. — У меня к Вам предложение.

— Знаете фонтан поглубже? — заинтересованно покосилась я на него.

Капитан сдержанно улыбнулся и перешёл к делу:

— Я правильно понял, что Вы не рвётесь на передовую?

— В двадцать шесть лет и с ноль шесть мага? Вы ещё спрашиваете? — грустно улыбнулась я ему.

— Но отказываться от дара по каким-то причинам не хотите?

Я кивнула, не желая распространяться об этих самых причинах.

— Тогда, может, рассмотрите вариант пойти вторым пилотом на грузовой корабль? Обучение там самое короткое, и Вашего дара как раз хватит. — Прямо взглянул мне в глаза капитан.

Я горестно вздохнула. Прямо скажем, второй пилот грузового корабля — это не начало карьеры, это её конец, причём не самый почётный. По сути это работа батареейкой,

немудрено, что обучение короткое — чему учить-то? Максимум, что должен уметь второй пилот — это посадить корабль и состыковать его с другим кораблём, но, как правило, даже эти умения остаются невостребованными.

Уникальный материал — его называли кхамир, в честь открывшего его учёного, был обнаружен в астероидном поясе довольно-таки далёкой звёздной системы более ста лет назад. И это открытие изменило всё. Оказалось, что под действием излучения человеческого мозга этот материал способен изменяться и вообще, делать невероятные вещи. То есть, практически та самая магия, о которой так долго мечтало человечество. Способность влиять на кхамир определялась содержанием в крови особых веществ — их стали измерять в "магах". Один маг — это способность полноценно управлять боевым кораблём. А начиная с трёх магов, появлялись уже и личные, особенные возможности. Например, Синяя звезда могла убивать сам кхамир — её холодный синий огонь превращал кхамир на вражеских кораблях в обычный холодный камень.

Кхамира было мало, и он был баснословно дорог, естественно в быту он не применялся, его еле-еле хватало на космические корабли — в качестве двигателя и оружия он был незаменим. Смешно и грустно, но сейчас сражения шли как раз за кхамир, и получался замкнутый круг: нам нужно больше кхамира, чтобы отстоять себе больше кхамира. С другой стороны, отдай мы весь кхамир Империи, и она моментально завоюет нашу Конфедерацию. Так что гонка вооружений продолжалась, и гонка идеологий тоже — с обеих сторон нужны были одарённые, чтобы извлекать из кхамира его магию.

Чем же так не почётна и не привлекательна роль второго пилота на грузовом корабле? Судите сами: на тебя надевают специальный шлем, и весь полёт ты можешь заниматься чем угодно, потому что нужные мозговые волны из тебя извлекает первый пилот с помощью шлема. А ты хочешь — спишь, хочешь — не спишь. Весело, правда?

— Рассмотрю, — сказала я. — Сколько можно подумать?

Он поднялся со скамейки и протянул мне карточку с адресом:

— Если надумаете, приходите завтра к трём. Там как раз новый курс подготовки начинается.

— Спасибо, буду думать, — сказала я, пряча карточку в сумку.

Уходя он обернулся и вдруг подмигнул:

— У Вас всё ещё впереди, Рина. Всё только начинается.

— Это-то и пугает, — пробормотала я себе под нос, но капитану благодарно улыбнулась. Ну, как благодарно... как смогла, так и улыбнулась. Смогла кривовато, но что делать...

Варианта у меня всего три, — размышляла я, глядя в стакан с каким-то убойным... или забойным — уже не помню точно, как назвал его бармен, коктейлем. Вариант номер один: пойти и сдать на опыты — попытка заблокировать дар приведёт, скорее всего, именно к этому. Потому что до сих пор наука стоит на том, что выгоревший дар не возвращается. Вообще никак. Ни капелюшечкой. А мой дар выгорел тогда весь, до конца. И при блокировке дара это сложно будет не заметить.

Вариант номер два: пойти обычным путём, каким идут подростки, у которых прорезался дар — четыре курса Училища и распределение на последнем курсе в зависимости от силы дара на тот момент. Это оправдано для подростков, так как их сила может вырасти, и, как правило, растёт. Меня же на четвёртом курсе — в тридцать лет! — будет ждать всё то же место второго пилота на грузовом корабле. А от перспективы четыре года учиться с ребятами

— страшно сказать — в два раза младше меня, захотелось бежать к фонтану и топиться, невзирая на его глубину.

Ну и вариант номер три, предложенный не представившимся капитаном. От него, варианта, хотелось тоскливо выть, но хоть утопиться не тянуло.

Приняв решение, я сделала большой глоток коктейля и тут же закашлялась, жадно хватая ртом воздух и вытирая слёзы. Ядрёный. Народа в баре было пока довольно мало, и почти все косились на меня с любопытством и удивлением. Даже самые воспитанные нет-нет, да поглядывали украдкой — вид для бара у меня был совсем нетипичный. Слишком длинное — по колено, свободного кроя платье, строгая кичка, очки и отсутствие косметики. Училка, как есть — училка. И вдобавок ко всему этому великолепию я была одна. Вот и гадали завсегдатаи — что такого стряслось у занудной училки, что она пришла напиваться в одиночестве. Ах да, и пить-то я явно не умела.

Впрочем, не все просто косились, нашлись и желающие моё одиночество скрасить.

— Хочешь, скажу, почему он от тебя ушёл? — взял с места в карьер молодой парень, присаживаясь напротив.

Он был одет в потрёпанную джинсовую куртку, из-под которой выглядывала заношенная футболка из давно уже не выпускаемой серии “Вперёд, за Синюю звезду!”, не брился пару дней, как минимум, и, судя по блеску глаз, уже успел накатить.

— Кто? — немного непонимающе присмотрелась к нему я. Лучше бы он объяснил, почему он, дар, вернулся.

— Мужик твой, — шмыгнув носом, парень стал беззастенчиво таскать орешки из моей тарелки.

— А как Вы догадались? — спросила я, мрачно наблюдая, как стремительно уменьшается количество орехов. Может, он их все съест и свалит? Я даже подвинула ему тарелку, чтобы было удобнее и быстрее справился.

— Ну так очевидно же — из-за чего ещё может так переживать женщина! — с невероятным самодовольством сообщил мой неожиданный собеседник.

— А, ну да, ну да... — растерянно сказала я.

— Купи мне выпить — расскажу, как вернуть, — предложил мой собеседник, устраиваясь поудобнее и явно настраиваясь на приятный вечер.

— Может, лучше расскажешь, как избавиться от назойливого собеседника в баре? — весьма толсто намекнула я ему. Парень намёк понять не пожелал:

— Не-а, — сказал, насмешливо рассматривая меня, — это не расскажу. Это абсолютно невозможно! — радостно закончил он, сверкая белозубой улыбкой и окончательно портя мне настроение.

— Если свалишь, куплю тебе выпить, — уже без особой надежды попыталась я выкупить себе право на одиночество и личное пространство.

— Не-а, — сказал парень. И протянул мне руку. — Рэми.

Мне не хотелось давать ему руку. И разговаривать с ним не хотелось. И я прекрасно знала, почему он ко мне прицепился, даже если он и не осознавал этого сам — парень явно тащился в своё время от Синей звезды, и теперь обнаружил во мне некоторые похожие черты.

Руку я давать не стала, вместо этого подпёрла этой рукой голову и попросила:

— Оставь меня, а?

Рэми подержал ещё некоторое время свою руку протянутой, потом удивлённо на неё

посмотрел и отправил за орешками. А сам взглянул на меня уже серьёзнее:

— Нет, — сказал он. — Я чувствую, что тебя сегодня нельзя оставлять одну. Тебе плохо.

— Из-за мужика, — согласилась я с ним.

— Этого не знаю, — совершенно не смущаясь, признался он. — Но надо же было как-то начать разговор.

И он остался, рассказывал какие-то забавные истории из своего детства, совершенно ни о чём не спрашивал, даже имя не спросил, называл меня злокой-синеглазкой. И в какой-то момент меня прорвало:

— У меня нашли дар, — горестно сказала я ему.

— Так это же хорошо? — не понял моего горя Рэми.

— Ноль шесть мага — это хорошо? — раздражённо спросила я.

— Да вырастет ещё, какие твои годы, — отмахнулся парень. — Сколько тебе?

Восемнадцать?

— Двадцать шесть! — прошипела я, злясь почему-то на собеседника. Как будто это он так распорядился моим даром и возрастом.

— Ого! — присвистнул Рэми. — Хорошо сохранилась.

Я молчала, и он сочувственно сказал:

— А у тебя, небось, муж, дети и кот?

Наградив его мрачным взглядом, покачала головой.

— Престарелые родственники, требующие заботы? — не унимался парень.

— Нет.

— Ну а чего ты тогда убиваешься?

Совершенно бесчувственный собеседник мне попался, — подумала я.

— С таким даром только батарейкой работать! — выплеснула на него своё отчаяние.

— А ты кем работаешь? — вдруг спросил он. — Учительницей?

Я кивнула и он продолжал:

— А хобби у тебя какое? Небось, книжки читать?

И, дождавшись кивка, развеселился окончательно:

— Ну, а что ты тогда горюешь? Будешь читать книжки не дома, а на космическом корабле. Может, и мужа там...

Договорить он не успел — я выплеснула свой недопитый коктейль ему в лицо.

Пока он вытирал глаза, поднялась и ушла, попутно хлопнув его по плечу:

— Спасибо. Мне правда полегчало.

Мне и в самом деле стало легче, всё же Рэми был во многом прав. А когда я вспомнила его ошалевшее лицо в конце нашей беседы, то и вовсе расхохоталась. И даже смогла оценить великолепную иронию судьбы — не захотела шесть магов, вот тебе ноль шесть.

На следующий день, без пятнадцати три я прибыла по указанному адресу. Но сразу заходить не стала, какое-то время постояла снаружи, пытаюсь успокоиться и настроиться на "непробиваемый" лад. Выброшенные на обочину жизни люди часто бывают жестоки, и мне надо срочно отрастить себе толстую кожу. Это я "ничего не теряю" по выражению Рэми, а остальные либо переживают крушение своей мечты — дар так и не увеличился, либо только что всё потеряли — дар был больше, и вдруг уменьшился — из-за болезни, перенапряжения, или даже просто из-за возраста. Так что спокойно и доброжелательно вряд ли будет.

Утро я потратила на улаживание формальностей — уволиться из школы, забежать к единственной подруге и оставить ей ключи от квартиры — она обещала собрать наши с Кариной личные вещи и подготовить квартиру к сдаче. Делала я всё это на автомате, в реалистичность происходящего мне не верилось. Но, может, эти перемены действительно к лучшему?

Пока всё шло неплохо — вежливая девушка приняла документы и объяснила, как пройти в зал, где будут проходить занятия. Там я забилась в самый угол, так как разговаривать ни с кем не хотелось. Куда ни глянь, всюду маячила эмблема Защитных сил — щит на фоне звёзд, заставляя выползать на свет разные воспоминания. Хорошо ещё агитплакатов десятилетней давности не было. Вообще никаких не было. Но воспоминания всё равно одолевали...

Я была самородком. В десять лет у меня уже был приличный дар, а к четырнадцати годам, когда я оканчивала Училище, дар и вовсе стал рекордным. И я совершенно искренне мнила себя практически богиней — уникальные способности, слава и полное отсутствие воспитательного ремня сделают такое с кем угодно. А потом я сама, своими руками всё испортила. Разругалась с теми, кого называла друзьями, хотя по факту — скорее позволяла им обо мне заботиться, сожгла свой дар, и всё ждала, ждала, когда виновник всего этого приползёт ко мне на коленях, посыпая голову пеплом. Никто не приполз, как вы понимаете. И голову пеплом посыпала я сама, когда поняла, что ничего не исправить. Собственно, и виновник-то был виновником только в моём воображении. Сейчас-то я понимаю, что он совершенно ни при чём, а тогда меня кидало из любви в ненависть и обратно со страшной силой. Но всё проходит, и это прошло.

Не буду утверждать, что я теперь — совершенно другой человек, я, надо признать, ещё вспыльчива и порою безжалостна, но всё же я многое поняла и осознала. Жаль только не всё можно исправить.

На меня никто не обращал внимания, и я рискнула поднять глаза и начать осматриваться. В общем и целом я была права: молодые ребята, глядящие на мир с обидой и вызовом, и взрослые люди, частью смирившиеся, но в основном тоже обиженные. Пятнадцать человек вместе со мной, и всего три женщины.

Всё обучение должно было занять пару недель, после которых — экзамен, и всё — путёвка в космос на корабль.

Я исправно посещала лекции, хотя мне на них было скучно, и куда с большим удовольствием я бы погуляла по городу. Но лишнее внимание мне было совершенно ни к чему, я и так вызвала слишком большой ажиотаж на практических занятиях. Надо было на симуляторе провести посадку корабля. Естественно, перед этим всё разжевали несколько раз, и, на мой взгляд, не сделать мог разве что полный бездарь. Но для подстраховки я всё же

сделала половину ошибок, от которых нас предостерегали, и, когда после моей довольно жёсткой посадки — бубух был знатный, повисло странное молчание, подумала, что переборщила с количеством ляпов. Но инструкторы — на практике присутствовали двое, вдруг стали мне аплодировать. Оказывается, я первая на их памяти, кто смог выполнить посадку с первой попытки. Они потом хвалили меня перед группой — совершенно лишнее, на мой взгляд, а я кусала губы, чтобы не расплакаться — до меня, наконец, дошло, в какую глубокую яму я себя столкнула, да простят меня люди с маленьким даром. Я когда-то могла управлять одновременно тремя кораблями во время боя, хватало и воображения, и дара, а теперь меня хвалят за кривую посадку небольшого грузовичка.

Было тошно и тоскливо, и после занятия я опять отправилась в бар — возможно, получится облить Рэми ещё каким-нибудь коктейлем? Увы, но в этот вечер его там не было, так что пришлось выпить весь коктейль самой. И алкоголь толкнул меня на то, что в трезвом уме я себе строго запрещала уже много лет. Я полезла искать в сети информацию о моих прошлых знакомых, и о нём, конечно же, о нём тоже.

Сейчас ему уже было тридцать пять, и нет ничего удивительного, что он был женат, завёл детей и даже развестись уже тоже успел. Я вглядывалась в лицо на фотографии, сделанной пару месяцев назад — он мало изменился, и никак не могла понять чувствую я что-то к нему или нет. И если нет, то почему я до сих пор не замужем? И даже близко подходить к мужчинам не хочу. Нет, к женщинам меня тем более не тянуло. Сильно ли я его любила? Тогда мне казалось, что сильно. Теперь же я вообще не уверена — а любила ли?

— Выбираешь себе кумира, а, Вардес? — раздалось над ухом. — Думаешь, случайно посадила корабль, даже не корабль, а симулятор, и теперь ты Синяя звезда?

И мои сокурсники в лице трёх парней лет семнадцати — восемнадцати захохотали, довольные шуткой. Я аккуратно выключила видеофон, и стала молча их рассматривать. Жалко, коктейль уже закончился, на лице вон того рыжего он смотрелся бы крайне органично. Ещё заказать что ли?

В принципе, я примерно этого и ожидала после того, как меня поставили группе в пример. Кто-то сам тянется вверх, а кто-то вместо этого тянет вниз всех остальных. Хотя бы в своём сознании.

Достойный ответ не придумывался, и я решила просто молча уйти. Но не тут-то было.

— Эй! Ты куда? — очень эмоционально возмутился рыжий.

— К нормальным людям, — не выдержав, огрызнулась я.

И тут рыжий совершил ошибку, не то чтобы фатальную, но последствия оказались для него весьма чувствительны — он схватил меня за руку и хотел, кажется, что-то сказать. Не успел, увы. Я автоматически — многократно отработанным движением уронила его на пол и заломила руку так, что он взвыл.

Весь бар как-то разом притих. Я подавила желание сказать "ой" — ведь не собиралась ничего такого делать, но "извини" всё же буркнула. И протянула рыжему руку. Он её не принял, встал сам, и, удивительное дело — глядя в пол сказал:

— Это ты нас извини... Расскажешь, как с кораблём справиться?

Я кивнула, и уходили из бара мы почти друзьями. А бармен на прощание подмигнул и сказал:

— А Рэми-то, оказывается, ещё повезло.

И заржал.

А уже через неделю мы сдавали экзамен, те, кого допустили по результатам зачёта на симуляторе. И я была первой, как самая успешная. Экзамен был на настоящем корабле, и я с удивлением обнаружила в себе предвкушение. Симулятор — это ведь совсем не то, совсем. О качестве подготовки — учёба на корабле вообще не была предусмотрена, я решила не думать. Изменить это прямо сейчас я точно не смогу, так что и негодовать напрасно не буду. На мгновение, правда, я ощутила прилив страха — а вдруг я не справлюсь с настоящим кхамиром, с моими-то жалкими ноль шесть, а то и ноль пять мага. Какая разница? — сказала я себе, — Зато хоть прикоснёшься к кхамиру ещё разочек. Хотя нам, слабоодарённым предлагалось использовать шлем для усиления излучения.

Надевать шлем мне не хотелось, но я надела. Во-первых, выпендриваться мне не с руки, а во-вторых, а ну как и правда не хватит "громкости", конфуз будет. А он мне тоже совершенно ни к чему.

— Взлетайте, — безучастно сказал инспектор, подготовившись к многочисленным безуспешным попыткам. Он даже пристёгиваться не стал и сидел нога на ногу, лениво позёывая.

— Есть! — сказала я и потянулась к кхамиру. Закрыв глаза, я видела схему корабля и его маленькое живое сердце — кхамир. Мысленно погладила его и приняла в своё сознание.

Вообще, нас учили всегда по-другому: просто громко думать, но у меня громко думать получалось плохо. Зато получалось думать вместе.

Корабль мягко и плавно взмыл в воздух, хотя разок я специально его тряхнула — для поддержания легенды.

— Сажайте, — уже гораздо более вежливо и заинтересованно сказал мой экзаменатор.

Сажая, я тоже пару раз тряхнула, не сильно и ещё в воздухе, а вот земли коснулась очень мягко. Просто мне было жалко корабль, его и без меня регулярно шлёпали на землю со всей силы различные экзаменуемые.

Перед распределением уровень дара проверяли ещё раз и я, хоть и знала, что это невозможно, хоть и высмеивала саму себя, но в глубине души очень надеялась услышать "ноль семь". Увы.

— Ноль пять. Следующий! — разрушила мои надежды равнодушная усталая женщина в поношенном и застиранном белом халате.

Она же проверяла зрение и общее состояние здоровья.

— Странная Вы, — сказала она мне, и я успела испугаться, что она обнаружила следы выгорания дара и сдаст меня на опыты. Но она имела в виду лишь мои очки — в них были простые стёкла, без диоптрий, так как зрение у меня отличное. Очки я носила сначала, чтобы не узнали, потом — чтобы казаться старше и серьёзнее.

Мне досталось направление на корабль с непроизносимым для меня позывным из смеси букв и цифр, он должен был забрать меня с далёкой базы с не менее зубодробительным названием уже через три дня. Помимо направления мне выдали ещё билет на эту самую базу, с двумя пересадками, два комплекта формы, не совсем моего размера, и одну дежурную улыбку: "Поздравляем с зачислением в Защитные силы".

Каринка так легко приняла мой отъезд, и вообще изменения в моей жизни, что я даже ощутила небольшой укол горечи. Хотя, если саму себя вспомнить в таком возрасте, меня вообще мало интересовали окружающие люди. Да и всё равно мы с ней редко видимся последний год... будем созваниваться. Ну, и в отпуск приеду. Мне же полагается отпуск?

Я никогда не летала третьим классом. Это, я вам скажу, нечто! Хуже электрички в час пик, потому что там хотя бы живописный пейзаж за окном, ветерок иногда задувает, освежая лицо, да и конец путешествия не в пример ближе. Тут же... ну, разве что кресла более комфортные, но и провести в них нужно куда больше времени. И ещё я очень соскучилась по звёздам, так что большую часть времени проводила на небольшой смотровой площадке. Основной наплыв народа был там в первые два часа после старта, я же пришла через три часа и всю наслаждалась одиночеством... пока не услышала смутно знакомый голос:

— Через две недели, — сказал голос, и я непроизвольно обернулась.

Голос принадлежал Рэми — ну надо же, нигде от него не скрыться, но на своего недавнего знакомого я посмотрела далеко не сразу, мой взгляд притянул его спутник. Он был на пол головы выше Рэми, значит выше меня на голову, — машинально отметила я, привлекал внимание осанкой — мне б такую, и необычным цветом волос — они были очень светлыми, почти белыми. А две пряди — от висков, красными. Пижон, — неприязненно подумала я, и натолкнулась на тоже весьма неприветливый взгляд абсолютно чёрных глаз.

Мужчина задумчиво и вроде бы равнодушно осмотрел меня, но так, что я сразу ощутила и потрёпанность своей одежды, и что очки мне не идут, и даже отсутствие маникюра. А когда он надменно посмотрел поверх моей головы, я и вовсе его возненавидела, и сама испугалась такого острого приступа эмоций — мне казалось, что моя эмоциональность перегорела вместе с даром.

Разрядил обстановку Рэми:

— О, синеглазая злючка! — радостно воскликнул он. Кажется, обиду он на меня не затаил, и на душе неожиданно потеплело.

— Вы знакомы? — противным... нет, вру, приятным, и это бесило, голосом поинтересовался блондин.

— Ага. Эта прекрасная девушка меня как-то коктейлем угостила, — сообщил Рэми и весело мне подмигнул.

А крашеный пижон снова смерил меня взглядом, словно пытался выяснить, где там его собеседник разглядел хоть что-то прекрасное. Мне не хотелось уходить со смотровой площадки и возвращаться в душный зал на своё кресло, где с одной стороны спал и храпел пьяный мужчина, чья голова постоянно норовила сползти на моё плечо, а с другой стороны две подружки перемывали кости своим кавалерам уже по третьему разу — я и то уже выучила, что кто сказал и как посмотрел. Поэтому я сложила руки на груди и, вместо того чтобы смущённо ретироваться — кажется, пижон рассчитывал именно на это, ответила ему на взгляд.

— И как же зовут ... прекрасную девушку? — он так выделил интонацией “прекрасная”, что лучше бы подошло “убогая”, честное слово.

— Злючка, — сказал Рэми, не дав мне и рта раскрыть — я собиралась сообщить гражданину, что моё имя его не касается.

— Вам подходит, — галантно-издевательски заметил пижон и обратился к Рэми. — Пойдём, в моей каюте договорим.

Вот как. В моей каюте. Значит, летят они, ну или, как минимум, пижон летит первым классом. Они давно ушли, но я почему-то долго не могла успокоиться — очень уж меня разозлил пренебрежительный взгляд этого ... крашеного.

К счастью, больше я их не видела, а вскоре и вовсе пересела на другой рейс, и к месту своего назначения прибыла опять в уравновешенном и почти непробиваемом состоянии. Это

пришлось очень кстати, ибо первый пилот, с которым мне предстояло летать — Окам Бертран, был ужасен. И это я не про внешность, а про характер. Во внешности не было ничего особенного — кто-то, наверное, даже назвал бы его симпатичным. Но вот манеры и поведение... Встретил он меня словами:

— Опять бабу прислали! Вот невезуха!

На мгновение я даже оторопела, но быстро взяла себя в руки.

— Ваши предпочтения меня не интересуют. Вам прислали квалифицированного второго пилота. А свою любовь к мужчинам реализовывайте, пожалуйста, в нерабочее время, — отрезала я, спокойно проходя к креслу второго пилота мимо побагровевшего напарника и осматриваясь.

К моему удивлению, он смолчал, только пробормотал:

— Квалифицированный, как же. Батарейка и есть батарейка...

Я сделала вид, что не услышала. Но отношения, как вы понимаете, не заладились.

Впрочем, пакостей он не делал, лишних высказываний не позволял, и я более или менее расслабилась. Оказалось, зря. Отыграться он решил примерно через неделю наших совместных полётов.

— Ой, что-то мне нехорошо, — подозрительно весело заявил Окам, когда до стыковки оставалось пять минут.

Стыковаться предстояло с большим военным кораблём — мы доставляли на него провизию. Стыковка в принципе гораздо сложнее, чем посадка на космодроме, а этот корабль вообще недолюбливали все пилоты — приходилось выкладываться полностью, и всё равно редко получалось обойтись без царапин. На курсах, кстати, стыковки не было вообще...

— Как хорошо, — продолжал напарничек, — что у меня есть квалифицированный второй пилот, который проведёт стыковку вместо меня. А то, — он демонстративно схватился за сердце, — что-то сердечко пошаливает.

Угу. Пошаливает, как же. Ему явно казалось, что вариант беспроигрышный, что это прекрасный шанс указать батарейке и женщине на её место. Не знаю, чего он ожидал, наверное, что я брошусь извиняться. Может, даже паду на колени и признаю его превосходство.

Я же невозмутимо сообщила на базу:

— У первого пилота Окама Бертрана проблемы с сердцем, стыковку будет проводить второй пилот Рина Вардес.

И переключила управление на себя. База ответила слегка удивлённым "Вас понял", всё же об уровне подготовки вторых пилотов все знали, но бывали и исключения — первые пилоты и даже пилоты боевых кораблей, у кого дар стал неожиданно меньше. Возможно, меня отнесли ко второй категории... и, в общем-то, не ошиблись, если так.

— Ну что, — шепнула я мысленно кхамиру и кораблю, — потанцуем?

— Ты что, самоубийца? — уже по-настоящему схватился за сердце Окам. — Жить надоело?

— Не волнуйтесь, с больным сердцем это вредно! — ласково сказала я ему. И немного злорадно добавила, закладывая вираж. — И пристегнитесь.

В конце концов, сколько можно прятаться от жизни? Никто уже и не помнит про Синюю звезду, и никогда меня в ней не узнает, а если и узнает, то что с того? А я всё строю из себя серую мышку. Хватит. Да, я даже с ноль шесть, а то и ноль пять мага классный пилот.

И почему я это скрываю-то? Ответа на вопрос я сама не знала, но очки решила больше не носить. И сделать ещё один маленький виражик, после которого Окам начал молиться.

Стыковка прошла идеально, я мысленно погладила кхамир, шепнула “спасибо”, доложила об успешной стыковке на базу и сняла шлем.

Окам молчал. Даже когда пилот военного корабля вызвал нас по радиации и выразил восхищение его мастерством. Не стал говорить, что стыковку проводил не он, и я тоже промолчала.

Разгрузили нас быстро, мы даже не покидали корабль:

— Всё, можете отчаливать, — сообщил по радиации задорный молодой голос, и мне пришлось всё же заговорить с первым пилотом:

— Как Ваше здоровье? — участливо и самую малость ехидно поинтересовалась у него.

— Справлюсь, — буркнул первый пилот и опять замолчал.

А вечером меня вызвали к командующему базой.

— Рина Вардес, — задумчиво произнёс он, постукивая пальцами по моему досье. — Смотрю я Вашу биографию, — он кивнул на папку перед собой, — и не нахожу ответа — где Вы научились так управлять кораблём?

— Врождённый талант, — вежливо предложила я объяснение.

— Допустим, допустим... Но научились-то где?

— В Училище в Алтаге, десять лет назад, — со вздохом сказала я правду.

— Тут, — командующий укоризненно уставился на досье, — этого нет.

Теперь укоризненно-вопросительный взгляд устремился на меня.

— Я меняла имя, по личным обстоятельствам, — спокойно выдержала я его взгляд.

Если он и ждал каких-то дополнительных пояснений, когда они не прозвучали, расспрашивать не стал.

— У меня к Вам предложение, — сказал он вместо этого.

Где-то я это уже слышала, — подумала я и изобразила готовность слушать.

И вот так вот через четыре дня, пройдя проверку на детекторе лжи и кучу инструктажей, я оказалась в своеобразной элите среди пилотов грузовых кораблей. Элита — это те, кто перевозит добытый кхамир.

Я неосознанно ждала какого-то подвоха, и дождалась. Неприятности начались очень скоро — уже в третий мой полёт, всё так же вторым пилотом, но первый пилот, Тео, был не в пример любезнее. Иногда слишком любезным, на мой взгляд. Мне даже периодически казалось, что он со мной пытается заигрывать. Может быть, я ему действительно немного нравилась, как знать... но это не помешало ему меня подставить.

Для меня это был самый обычный рейс, я даже не очень-то интересовалась маршрутом, поэтому что что-то идёт не так, поняла уже очень и очень поздно. Мы стремительными темпами приближались к границе с Империей и, более того, нам навстречу приближалось несколько боевых имперских кораблей.

— Что мы здесь делаем? — не веря своим глазам, спросила я.

И получила в ответ немного, самую малость виноватый взгляд:

— Прости, Рина. Мне сделали предложение, от которого я не смог отказаться.

Спорить я не стала, просто сняла шлем и потянулась к кхамиру, пытаясь перехватить управление. Увы, но силы были неравны — Тео и дар имел больше, и шлем ему ещё помогал. Если я надену шлем, то шансов у меня не будет вообще — он слушается первого пилота.

И я решилась — пошла в грузовой отсек, где лежал неразбуженный ещё, перевозимый кхамир. Расцарапала себе руку пряжкой форменного ремня, щедро окропила кхамир кровью, и, прижавшись к нему, попробовала позвать кхамир-сердце корабля.

Оказывается, мы перевозили очень много волшебного камня, очень. Я даже почувствовала себя почти такой же всемогущей как в юности, и легко развернула корабль в другую сторону.

Так как я была не в рубке, я не видела ни с какой скоростью мы движемся, ни где находятся корабли имперцев, но отчётливо ощущала, что движемся мы медленно, слишком медленно.

И я не справилась — с кхамиром нельзя давать волю своим не до конца осознанным желаниям, только чёткие команды, я же всей душой пожелала, чтобы мы с кораблём оказались как можно дальше отсюда.

И связанный моей кровью камень нагрелся и полыхнул, а потом замолчал навеки. Я успела ещё ужаснуться — сколько кхамира загубила, что же мне за это будет? Хотя, лучше загубить, чем отдать Империи... И тут дверь распахнулась, и меня за волосы дёрнули вверх.

— Где мы? — прошипел очень злой голос. — Где мы, чёрт тебя дери?!

Проморгавшись — от рывка за волосы выступили непрошеные слёзы, и размазав по лицу шедшую из носа кровь, я уставилась на того самого крашеного пижона. В форме капитана имперских боевиков.

— Заблудились в трёх звёздах, капитан? — весьма нелюбезно огрызнулась я. — И прекратите тянуть меня за волосы, меня мой рост вполне устраивает.

Удивительно, но волосы отпустил. И даже протянул мне платок, я не стала отказываться и приложила к носу.

— Пойдём, — сказал капитан и, взяв меня за локоть, потащил в рубку.

Практически швырнул в кресло первого пилота — а где, интересно, Тео? И спросил ещё раз:

— Где? Ткните мне своим дрожащим пальчиком в карту, будьте любезны!

Пальцы и правда дрожали, так же как и коленки — всё же напряглась я сильно, откат-с. Но выполнить просьбу капитана не смогла — навигационная система корабля, похоже, накрылась, а так я звёзды не узнавала.

— Система сломалась, не видите что ли? — мрачно поведала я капитану. — Давайте Вашу посмотрим.

— А давайте, — неожиданно любезно согласился он. — Прошу Вас, пройдёмте.

Пока шла, размышляла о том, что капитан-то хорош — так быстро пристыковаться к кораблю, который с тобой стыковаться совершенно не хочет.

— А где Тео? — решила всё же узнать.

— Меня гораздо больше интересует, где мы, — снова дал волю раздражению пижон в имперской форме. — Тео как раз-таки понятно где — покинул корабль в аварийной капсуле, и мои ребята, наверняка, его уже подобрали.

"Мои ребята", ишь ты...

— Итак? — спросил капитан, немного нервно ходя по рубке своего корабля.

Я сидела в кресле пилота — на таких маленьких боевых кораблях один пилот, и тупо смотрела на экран, на котором должна была быть карта. Имперский корабль тоже не знал где мы.

— Дайте угадаю, — ядовито заговорил капитан, — тоже сломалась?

Я пожалала плечами, и он сменил картинку на экране — теперь экран выступал в роли иллюминатора. Капитан прокрутил обзор на триста шестьдесят градусов и ещё более раздражённо и зло спросил:

— Знакомые созвездия? Туманности?

— Нет, — мрачно буркнула я.

— И зачем Вы нас сюда отправили, пожертвовав таким большим количеством кхамира? — вкрадчиво спросил он, нависая надо мной.

Просившееся на язык "Чтобы ты сдох, зараза имперская" пришлось проглотить, он и так был достаточно зол.

— Молчите?

Ну а что, так не понятно, что ли? Да, молчу.

— Наберут неуравновешенных неумех... — проворчал он вполголоса, и мне стало смешно.

— Видать, план-то Ваш не так уж был хорош, капитан, раз неуравновешенная неумеха его сорвала, — сказала я почти весело.

Он моего веселья не поддержал.

— У нас с Вами, — угрюмо произнёс имперец, — скоро кончится воздух, не говоря уже о еде и воде. И я серьёзно раздумываю — а не выбросить ли Вас в открытый космос, чтобы пожить подольше. Так что сделайте одолжение самой себе — не злите меня!

— Может, лучше планеты, пригодные для жизни, поищем? — мирно предложила я. За борт не хотелось.

— Ищет, — он кивнул на компьютер.

И дальше мы ждали молча — я в его кресле пилота, он — стоя сзади за этим самым креслом. Мне постоянно казалось, что его взгляд останавливается на моей шее, и он еле удерживается, чтобы её не свернуть. Или хотя бы слегка не придушить. Я даже скрип зубов различала.

И ещё он возмущительно приятно пах, этот подлый и злобный имперец.

Наконец, компьютер что-то пискнул и вывел на экран сводную табличку по результатам поиска. В ближайших окрестностях нам условно подходили четыре планеты.

— Кхамир... — тут он недобро на меня взглянул, — оставшийся кхамир перенесём сюда. Грузовик придётся бросить.

Вообще-то его предложение, точнее, решение было верным, но от мысли, что я своими руками понесу кхамир на корабль Империи, становилось как-то не по себе. Так что участия в переноске я так и не приняла, он перетаскал всё сам, я же размышляла, сидя всё так же в его кресле, — а не попытаться ли его вышвырнуть в открытый космос, как он мне недавно угрожал. Но пришлось признать, что с ним шансов выжить было больше, я не была уверена, что справлюсь с боевым кораблём. Я вообще не была уверена, что не перегорела ещё раз, всё же кровь носом — нехороший признак.

Из кресла пилота он меня всё же выгнал, но стоять не заставил — пристроил в откидном кресле, которое было куда менее удобным и предназначалось, похоже, для пленных.

Мне было очень интересно посмотреть на него в процессе управления кораблём, возможно, я даже смогу примерно понять силу его дара и насколько искусно он им пользуется — про противника надо знать как можно больше. Но, к моему разочарованию, он надел шлем. Причём мне показалось, что он уже потянулся мысленно к кхамиру, но потом вспомнил про меня и взял шлем. Осторожный, гад.

Первая планета оказалась почти вся покрыта водой, нам даже приземлиться толком было негде, редкие кусочки суши были либо слишком неровными и скалистыми, либо представляли собой сплошное болото. Но зато мы пополнили запасы кислорода, и это немного успокаивало.

— Не хочешь поработать батарейкой? — вдруг спросил имперец.

— С тобой? Нет! — весьма эмоционально и невежливо ответила я. Чуть подумала и добавила. — Но могу пилотом, если Ваша милость уже сдулась.

Тут я, надо признать, слегка бравировала, и, думаю, он это понимал. Но не стал тыкать меня носом в недостаточность дара. Вместо этого спросил почти любезно:

— Так как же всё-таки зовут злючку?

Огрызаться я не стала, хотя и хотелось ответить что-то типа "У злючки и спрашивайте, я-то тут причём?", но нам ещё неизвестно сколько времени предстоит провести вместе, так что совсем уж нарываться не стоило. Определённо не стоило.

— Рина.

— Ник, — сказал он, хотя я его ни о чём не спрашивала.

Смолчать я не смогла, было что-то в этом имперце, что выводило меня из равновесия и заставляло ляпать то, что не нужно.

— И всё? — разочарованным голосом спросила я. — И никаких виконт такой-сякой? Или маркиз трам-пам-пам?

— Всё, — ровно сказал Ник. — Всё, что Вам нужно знать.

Эти его переходы с "Вы" на "ты" и обратно меня слегка сбивали. Но я пока и сама не определилась, как мне будет комфортнее к нему обращаться, поэтому не спешила высказываться на эту тему.

Вторая планета встретила нас зашкаливающим уровнем радиации — мы только-только вошли в атмосферу, как компьютер взвыл тревожной сиреной, и Ник, выругавшись под нос, моментально сменил направление движения на обратное. Меня вдавило в кресло, и, кажется, носом опять пошла кровь, но я молчала — сама, если бы могла, так же быстро развернулась бы.

— На какую полетим из оставшихся двух? — спросил вдруг Ник.

Я предложила наугад одну планету, и он уверенно повёл корабль к другой. Вот гад ведь.

С третьей планетой нам повезло — она оказалась не только подходящей для жизни, но и обитаемой. Причём, уровень развития был невысок, а значит, нам не грозило быть сбитыми силами какого-нибудь ПВО. Но это было ещё не всё — когда мы уже почти приземлились — оставалось только миновать плотные, серо-фиолетовые облака, компьютер корабля вдруг объявил: "Обнаружен кхамир". И вывел на экран карту... Я смотрела на неё и не верила своим глазам — кхамир был везде. Правда, приглядевшись, я поняла, что в большинстве точек, указанных на карте, он был под землёй, причём довольно глубоко — не меньше ста метров. Увы, но при текущем развитии техники на планете — по факту, при полном её отсутствии, даже с пятидесяти метров достать было бы сложно. Однако приуныть я не успела — заметила обозначенное компьютером огромное месторождение на поверхности. Поистине огромное.

Желание топтать ногами от радости и кричать "Давай туда сажай" я мужественно сдержала — Ник и сам видит кхамир. И посадит корабль так близко, как только можно. Он, кстати, тоже едва заметно повеселел — ещё бы, у нас ведь появился хоть какой-то шанс вернуться домой — если мы наберём столько же, а лучше — больше, кхамира, и я не напортачу с формулировкой желания-приказа. Хотя, вероятно, Ник и сам сможет.

Должна признать, что корабль он посадил идеально, особенно принимая во внимание неподготовленность посадочной площадки — маленькой полянки в лесу. И теперь мы осматривали окрестности, пока что из корабля. То, что атмосфера вполне нам подходит — примерно то же содержание кислорода и вроде бы отсутствие вредных примесей, мы уже знали. Оставалось выяснить, как выглядят аборигены, и как нам оптимально добраться до залежей кхамира. Корабль придётся оставить тут, но вряд ли кто его обнаружит — он идеально сольётся с лесом вокруг.

Когда компьютер показал несколько тепловых силуэтов, весьма похожих по очертаниям на людей, Ник запустил в ту сторону маленькую неприметную птичку с камерой, и скоро мы уже смотрели на аборигенов практически своими глазами. И то, что мы видели, было ещё невероятнее, чем залежи кхамира.

— Невероятно, — прошептала я вслух. — Люди!

— Ну, по крайней мере, внешне — люди, — согласился со мной имперец.

Всего их было пятеро — трое мужчин и две женщины, и, кажется, они просто вышли в лес за грибами.

— Иди, — сказал Ник, — и приведи мне языка. Вот этого.

Он ткнул на экране в крупного рыжеволосого и рыжебородого мужчину. Самого крупного из этой компании. Я посмотрела на имперца с сомнением — возможно, я переоценила его интеллект? Или разлука с домом нанесла непоправимую травму его психике и мировосприятию?

— Что смотришь? — сказал предположительно душевнобольной. — Замани его как-нибудь сюда, дальше моя забота.

— Ага, — сказала я, но с места не сдвинулась.

— Что? — раздражённо спросил Ник.

— Жду, когда ты придумаешь что-то нормальное, — невозмутимо сообщила я. — Я что, его в костюме пилота должна заманивать? Или у тебя тут где-то костюм зайца припасён?

— А как же неотразимое женское очарование, которое заставляет забыть обо всём? — фыркнул он.

Но общаться с местным населением всё-таки пошёл сам. Вернее, мы пошли вместе, но моя задача сводилась к тому, чтобы на карманном тепловизоре отслеживать перемещения остальных грибников. Знакомиться сразу с несколькими местными жителями в наши планы пока не входило. Поэтому начало разговора я пропустила, а когда стала прислушиваться, крайне удивилась — они оба разговаривали на каком-то совершенно непонятном мне языке. Ну, абориген-то понятно, а Ник-то как? И, главное, с чего это рыжий мужик так охотно ему что-то выкладывает?

Кое-что прояснилось, когда я взглянула на имперца, до этого я прилежно смотрела на тепловизор, по сторонам, и на нашего вольного или невольного информатора. Ник же, не отрываясь, смотрел в глаза рыжему, и красные пряди в его волосах едва заметно светились и мерцали. Телепат, — ошарашено подумала я, — твою ж ... дивизию.

Вообще-то телепатии не существует. По крайней мере, официально и у нас, в Конфедерации. Про Империю же ходили разные слухи, например, что они ставят опыты с помощью кхамира и пытаются привить людям способности, которые будут всегда с человеком, независимо от наличия волшебного камня рядом. Впрочем, был и другой слух — что в Империи живут не только люди, но и несколько других рас, и смешение с ними даёт людей с необычными способностями. Говорили, в частности, что и сам Император не вполне человек. По официальным каналам в Конфедерации эти слухи высмеивались, но вот похоже, что часть из них оказалась правдива.

Понять бы ещё, что он вообще может. Как минимум — выучить язык и склонить к каким-то действиям. Интересно, что ещё? Читать мысли? Менять память?

Обратно к кораблю мы шли молча. Я ждала, что он сам поделится информацией — это было бы логично, но он почему-то не спешил. И только когда мы вновь зашли в рубку корабля, и я из какого-то глупого упрямства и чувства внутреннего протеста уселась опять в кресло пилота, он сказал:

— Похоже, действительно люди.

— Больше ничего выяснить не удалось? — подколола я его.

— Удалось, — тут он положил руки мне на виски, и голова взорвалась изнутри болью, в глазах заплясали звёздочки, а дыхание перехватило.

— Какого... — я лихорадочно подбирала слово попримечнее и придумывала, как

достать имперца из той невыгодной позиции, которую я так опрометчиво заняла.

— Я просто дал тебе знания местного языка, — как-то даже укоризненно откликнулся капитан.

— А предупредить нельзя было?

На всякий случай из кресла я выбралась, и теперь мы с чёртовым телепатом стояли в разных концах рубки, то есть метрах в трёх друг от друга.

— А зачем? — почти весело спросил Ник, которого мой мрачный взгляд, похоже, ничуть не впечатлил. А я-то надеялась, что смотрю достаточно угрожающе. — Чтобы выслушать истерику "не трогай меня, грязный телепат!"?

— Ты не имеешь права вмешиваться в мой мозг без моего разрешения! — нахмурилась я. Учитывая, что нам ещё долго находиться рядом, необходимо сразу обозначить границы.

— По законам Империи — имею, — как-то мерзко ухмыльнулся этот подлец. — А вот ты перенесла меня неизвестно куда, считай — похитила.

Я старательно досчитала до десяти, пытаясь не хватать ртом воздух, как рыба, вытащенная из воды, и ответила уже почти спокойно, хотя меня захлёстывало возмущение:

— Если бы ты незаконно не пристыковался, ничего бы и не было. Да я вообще не знала, что ты прицепился, — и мстительным добавила, — как клещ!

— Я пристыковался с разрешения первого пилота, — спокойно парировал он.

— Тео не имел права! Это предательство! — последнее слово я практически выплюнула. Меня затапливало эмоциями и, увы, не самыми позитивными.

— А это, — сказал мой красивый враг, заплетая косу на подобие той, что была у рыжего, — вопрос отношений Тео с законом. И он не отменяет того, что ты меня похитила.

Я, наконец, сообразила, что он меня нарочно провоцирует, и замолчала. Ник выждал пару минут и как ни в чём не бывало стал рассказывать:

— Месторождение кхамира они считают местом обитания Бога, представляешь?

— Представляю, — не разделила я его восторга. — И что это для нас означает?

— О, — сказал капитан, — история прекрасна! Так как кхамира тут невероятно много, одарённых тоже достаточно, в том числе и неучтённых и необученных, — тут он с намёком бросил взгляд на меня, — то всякие аномалии множатся со страшной силой. И аборигены нашли выход. Угадай какой?

Я честно задумалась. Какой тут может быть выход? Учить всех с детства? Слишком накладно. Может, какие-то травы, блокирующие дар?

— Нет, нет и нет. — Решительно отверг все мои предположения Ник. — Раз в год выбирают девушку, которую отправляют к месту обитания божества, чтобы его задобрить. И знаешь, что самое прекрасное? Это действительно работает!

— Что в этом прекрасного? — хмуро поинтересовалась я. Неведомую девушку сразу стало жалко.

— Всё, что насоздавали тысячи недоучек, легко стирает один человек! — продолжал восхищаться имперец. — Кстати, новую девушку будут выбирать через неделю. Жаль, ты не девственница, — вздохнул он. — Было бы очень удобно — жрецы сами провели бы нас к кхамиру...

— Почему туда нельзя самим пройти, без жрецов? — я сделала вид, что не слышала его замечание. Обсуждать свою личную жизнь с этим гадом не собиралась. Равно как и отсутствие этой самой личной жизни.

— Говорят, там труднопроходимо... Или всё-таки девственница?

Я наградила его взглядом, в котором даже не телепат прочитал бы, куда ему следует пойти. Отсутствием опыта я не гордилась, скорее даже стеснялась. Просто так уж получилось. Однако обсуждать это с ним я не обязана.

Но тут имперский негодяй сверкнул на меня полыхнувшими красным глазами, и я неожиданно для себя сказала:

— Да. — И добавила уже по своей воле. — Урод.

— Отлично. Тогда воспользуемся помощью жрецов, — невозмутимо произнёс Ник.

— Нет, — сказала я.

— Я ведь могу тебя заставить, — вдруг вкрадчиво предупредил он. И я знала, что действительно может. — Но для долговременного внушения сложно рассчитать усилие. Если я промахнусь, тебя потом всю жизнь будет преследовать желание вернуться на эту планетку, к месту обитания местного божества. Хочешь?

От нарисованной перспективы хотелось только одного — врезать этому пижону и куда-нибудь уйти.

— Можешь подумать, — вдруг сказал Ник. И не успела я удивиться, как добавил. — Пока мы добираемся до города, где происходит Выбор.

Ненавижу телепатов. И есть хочу.

Что ответить я не знала. И что думать — тем более. С одной стороны, мне вовсе не хотелось взваливать на себя роль спасительницы неизвестной планеты, да и были у меня некоторые сомнения в последующем благополучии "избранной" — неспроста ведь каждый год выбирают новую девушку. Но до кхамира добраться действительно надо. Вряд ли имперец стал бы придумывать такую многоходовку с привлечением местного населения, если бы туда было легко добраться самим... Впрочем, возможно, на деле всё не так страшно, а среди местного населения специально распространяется и всячески поощряется заблуждение о труднодоступности "бога", а то как понабегут паломники, как понатворят химер и аномалий...

В результате своих размышлений я пришла к выводу, что хорошо бы самой услышать от местных жителей рассказ об их божестве и его "прощении". И, кстати, неплохо бы ещё кое-что уточнить.

— А с чего ты взял, что жрецы выберут меня? — с надеждой на обратное поинтересовалась потенциальная избранная.

Ник наградил меня таким взглядом, что надежда тут же умерла — действительно, повлияет в нужный момент, и готово.

— А почему именно девственница-то? — уже совсем мрачно уточнила я.

Имперец пожал плечами:

— Обычные суеверия, полагаю.

На этом разговор как-то совсем затух... и Ник принялся уплетать откуда-то взятый сухпаёк, даже и не подумав предложить мне. При виде того, как он ест, голод стал невыносимым, но просить я не собиралась. Хотя он, полагаю, этого ждал. И, наверняка, по просьбе поделился бы. Но я почему-то просто не могла у него ничего просить. Не после того, как он вломился ко мне в голову — даже два раза по сути. Мне сейчас вообще даже смотреть на него не хотелось, не то что заговаривать. Но я с каким-то мазохистским упорством следила, как заканчивается еда... и молчала.

— На ночлег пойдём в деревню, заодно ещё что-то разузнаем, — сообщил он мне как ни в чём не бывало.

— Ок, — сказала я и, вспомнив, что видела в лесу какие-то ягоды — наверняка, не ядовитые, добавила. — Пойду прогуляюсь.

— Эй, — окликнул меня Ник, когда я уже почти покинула корабль.

Я обернулась и еле успела поймать брошенный пакет с сухпайком. Определённо, гад целился мне в лоб.

— С тобой будет сложно, — сообщил он. — Но забавно.

На ночлег мы напросились без проблем. Ну, точнее, на нас сначала хотели спустить нечто отдалённо напоминающее собаку, но пара секунд активности телепата — и нас радушно пригласили в дом. Правда, мне показалось, что Ник как-то побледнел, но, может, это освещение такое. В избушке было тесно, низкие потолки заставляли пригибаться даже меня, не говоря уже о рослом имперце. Сами хозяева были невысокими — пониже меня, но и они привычно пригибались в дверях и чуть ли не касались головой потолка. Не знаю, что именно внушил им Ник, но мне было даже неудобно — настолько они старались нам угодить.

Обстановка более или менее соответствовала моим ожиданиям, сформированным на фильмах о средневековье, разве что была более скудной. Самым большим отличием, по крайней мере, бросившимся мне в глаза, было освещение. Вместо пожароопасных лучин здесь использовали какие-то камни — днём их выносили на солнце, и часа три-четыре после заката они обеспечивали свет.

— Сейчас самое паршивое время! — прочувствованно произнёс хозяин — молодой парень, лет восемнадцати, запирая дверь на засов. — До Дня Всепрощения меньше двадцати дней, и все стараются что-нибудь урвать.

Признаться, я не сразу поняла, что он имеет в виду. Оказывается, чтобы воплощённое вольное или невольное желание обрело долгую жизнь и пережило это самое всепрощение, надо закрепить его собственной кровью и специальным заклинанием. Все остальные порождения фантазии и кхамира разрушались — а я-то гадала, как “бог” отличает — что случайно получившаяся аномалия, а что — нужное заклинание.

Почему же все так активизировались именно сейчас? Весь год одарённые, не учтённые и не контролируемые жрецами, пили специальную травку, гасящую или блокирующую дар. Во-первых, потому что жить целый год с неудачными своими творениями никто не хотел, во-вторых, потому что за волшебство полагалось платить налог, независимо от того удачное оно или нет, да и под контроль жрецов никому не хотелось. Сейчас же у жрецов было слишком мало времени, чтобы обнаружить несанкционированные порождения магии кхамира. И одарённые переставали пить травку и пытались осуществить задуманное за год бездействия. Увы, но кроме задуманного лезло ещё очень много полуосознанного и вообще неосознанного, поэтому последние дни перед Всепрощением превращались в кошмар для всех. В течение года тоже случались неожиданности, но редко — от тех, у кого только-только проявился дар, и тех, кто не смог достать травку. Травка, естественно, была незаконна, так как помогала одарённым скрываться от жрецов и от налогов.

Надо бы и нам с Ником такой травки, — подумала я. Мы, конечно, вроде как обученные держать порывы под контролем, но это тяжело двадцать четыре... вернее, двадцать шесть часов в сутки, и есть же ещё сны!

— Так что присматривай за женой, она у тебя красивая, как бы кто приворот не навесил, — продолжал в это время хозяин дома.

Я не сразу поняла, что "жена" — это я, а Ник так вообще вздрогнул и скривился. Но оспаривать не стал. Как-то он вообще неважно выглядел.

В доме была всего одна комната, крайне небольшая, так что спать нас устроили на полу на кухне, которая тоже была весьма мала — имперец лежал слишком близко, на мой взгляд. И слишком громко дышал. Его вообще было слишком много для такого маленького помещения и насыщенного дня. А глядя, как он бережно раскладывает свою длинную косу, я ощутила совершенно детское желание её отрезать, или хотя бы наступить. К счастью, у меня пока ещё хватило ума удержаться. Я просто вжалась в стенку и отвернулась. Но не спала — спать было боязно — не натворю ли я каких дел с кхамиром во сне? Можно было, конечно, обратиться к Нику с просьбой поставить блок в моей голове, но пускать его в свою голову по доброй воле, даже более того, пригласить? Меня аж передёрнуло...

И тут же передёрнуло ещё сильнее — под маленьким окошком, закрытым деревянными ставнями — стёкол, естественно, не было, раздался какой-то жалобный и жуткий вой. Я обернулась посмотреть на имперца — он сел, напрягся, красные пряди слабо засветились — то ещё зрелище в темноте, скажу я вам — и немного недоумённо посмотрел на меня:

— Это человек, — тихо сказал он. И не успела я удивиться, как он добавил, — мёртвый человек!

— Мёртвые не воют, — шёпотом ответила я ему, не упустив случая покрутить пальцем у виска. И фыркнула. — Ты ещё скажи, что это вампир!

— Не бойтесь, — вдруг крикнула нам хозяйка дома из комнаты, — это наш староста.

И не успела я бросить победный взгляд на Ника, хоть и недоумевала — зачем староста так воет, но мало ли какие у людей традиции, может, он благополучие на деревню так призывает, как она добавила:

— В прошлом месяце помер... дочка его, Ланка, одарённой оказалась... очень горевала.

— И часто у вас так бывает? — спросил имперец, насмешливо глядя на меня.

— Да почти перед каждым Днём Всепрощения что-нибудь да вылезит, — довольно равнодушно ответил хозяин дома. — В прошлом году вон призрак бабы Ганы бродил... это если вы про мёртвых.

— А что ещё бывает? — заинтересовалась я.

— Ну, всякие помешательства, — охотно ответил хозяин. — Призрачный дом как-то был... деньги ненастоящие регулярно бывают. Себя часто уродуют...

— Это как это? — удивилась я. Трудно представить, что люди этого хотят. По крайней мере, многие люди.

— Ну, — в голосе хозяина слышалась усмешка, — вот кто-то хочет быть тоньше, кто-то отчаянно хочет глаза побольше... или уши поменьше. Или другой формы.

— И? — спросила я, уже чувствуя, что ответ мне не понравится.

— И находим потом мёртвые тела, переломившиеся в талии, или с глазами вполлица... Хотя с ушами вот живой остался, но глухой. Его жрецы забрали.

Я не до конца поняла, почему остальные мёртвые... резко увеличившиеся глаза выдавили мозг? Бррр!

Тут я всё-таки не выдержала и, дёрнув имперца за косу, потребовала:

— Поставь мне блок!

— Мечтаешь о больших... глазах? — вкрадчиво спросил Ник, глядя вовсе не на глаза.

— Мечтаю, чтобы у тебя коса отвалилась! — огрызнулась я, глядя тоже совершенно не на косу.

— Ладно, уговорила, — согласился имперец, хотя угроза его, похоже, не впечатлила. И, взяв меня за руку, буквально через несколько секунд спросил. — Тебе уже ставили блок?

— Нет, — удивлённо ответила я. — А что?

Но Ник сказал лишь только “хм” и чуть позже “готово”.

На следующее утро, я бы даже сказала в конце ночи, мы тронулись в путь. Хозяева собрали нам немного еды и дали одежду, и, глядя на имперца, я всюду развлекалась. Он был слишком высоким, и если у рубахи он закатал рукава и как-то спас положение, то штаны смотрелись крайне смешно. Мне в этом плане повезло больше: во-первых, разница в росте была куда меньше, а во-вторых, платье было без выгачек и регулировалось шнуровкой. Впрочем, когда Ник надел сапоги, вид у него стал уже менее забавным.

Мы шли совершенно молча и, наверное, прошли уже километров десять, когда я вдруг поняла, что же в платье самой хозяйки не давало мне покоя.

— Ник! — резко останавливаясь, сказала я. — Пуговицы!

— Что пуговицы? — как-то подозрительно спросил он. Нет, я в своём уме, не надо на меня так коситься!

— У неё на платье были пластмассовые пуговицы!

— Тебе показалось, — отмахнулся имперец. — Ты же понимаешь, что это невозможно?

— Понимаю, иначе бы и не удивлялась! — разозлилась я и про себя добавила "ненаблюдательный чурбан!".

Мы свернули с главной дороги на мелкую дорожку, уходящую в лес — соваться в город мы пока не были готовы, решили обойти его лесом, и, пройдя ещё около часа, наткнулись на деньги. Вернее, деньги набросились на нас — Ник абсолютно беспардонно ограбил разбойников: велел положить все деньги и ценности на землю и час бежать на север.

— Это негуманно, — собрав ценности, я, смеясь, обернулась к своему вынужденному спутнику и ахнула: он опирался на дерево и был очень бледен. Из его носа капала кровь.

— Ерунда, — явно через силу сказал упрямый имперец. — Сейчас пройдёт.

Вообще, у нас с собой была унесённая с корабля аптечка, но что-то мне подсказывало, что там нет ничего, что могло бы сейчас помочь Нику. Похоже, это были последствия применения телепатии. Интересно, это всегда так? Или дело в этой планете? Но вслух я произнесла совершенно другое:

— Может, вернёмся к кораблю, и ты перенастроишь его на меня? А то ты, я смотрю, долго не протянешь, — нарочито беззаботно предложила, рассматривая его кровь на траве. — И оружие отдай.

— Торопись, — сказал Ник. — Я в порядке. Но телепатию придётся сократить.

— Жаль, — уже вполне искренне сказала я.

Он только молча кивнул.

К вечеру мы наткнулись на деревню. С собой карты у нас не было, но перед уходом из корабля мы старательно запоминали маршрут, населённые пункты и рельеф. Этого посёлка я не помнила. Хотя, возможно, он был просто слишком маленьким, и я не обратила внимания. После завываний старосты на предыдущем ночлеге, оставаться под открытым небом на ночь совершенно не хотелось, и мы радостно вошли в ворота, с надеждой заглянули в один из ближайших домов. Увы, он пустовал. И следующий тоже. И ещё один. И мы начали, наконец, подозревать неладное.

— Давай хоть продуктов возьмём, — предложила я Нику в пятом, тоже пустом, доме. — Денег оставим...

И потянулась за хлебом — он лежал на столе, и на вид был крайне соблазнителен...

— Стой, — вдруг сказал Ник.

— Денег жалко? — недоумённо уставилась я на него.

— Понюхай, прежде чем брать, — предложил он.

Я склонилась к хлебу... и резко отшатнулась, умудрившись наступить имперцу на ногу, не нарочно — запах гнили меня практически оглушил.

— Можешь благодарить, — немного самодовольно предложил пижон, пока я, стараясь ни к чему не прикасаться, пробиралась к выходу. И я не удержалась.

— А я — уже, — сказала. И ещё раз наступила ему на ногу, как только вышли из дома. Правда, потом совесть взяла-таки своё, и я всё же буркнула “Спасибо”. Хотя не исключено, что он заботился исключительно о своей шкуре — я же часть его плана по доступу к кхаммиру.

Не сговариваясь, мы быстро пошли обратно к воротам, и тут нас поджидал куда более неприятный сюрприз — мы не смогли выйти. Мы прекрасно видели дорогу, лес вокруг, но сделать шаг в ворота не получалось — как будто невидимая стена. Я подобрала камешек и бросила в лес — он никакой преграды не встретил... но легче от этого не стало.

Мы методично обошли всю деревню, кое-где не удавалось даже подойти к забору, в других местах — получалось через забор перелезть, но через несколько метров опять была стена... Я со злости заехала по стене ногой и теперь прыгала на второй ноге, держась за ушибленную. Это оказалось неожиданно больно.

— И что будем делать? — спросила, чтобы отвлечься, и тут же чуть не повторила пинок стены от досады — этим вопросом я вроде как признала руководящий статус имперца. А я этого делать совершенно не собиралась.

Ник как-то особенно улыбнулся, давая понять, что он всё заметил, понял и запомнил, и сказал:

— Думать будем.

С ума сойти, как содержательно... Не дождавшись больше никакого ответа — только зря подставилась, стала рассуждать сама. Мы находимся на планете, где исполняются желания. Исполняются криво, надо признать, но что поделать, если людям свойственно формулировать именно так, в надежде, что всё остальное дорисуетса само собой. Значит, эту деревню кто-то тоже зачаровал... Но что он мог хотеть? Вряд ли просто заманивать путешественников, чтобы они тут тихо умирали... Значит, от нас что-то нужно. Что? Денег у нас... хм, не знаю я, сколько у нас денег. Но вряд ли это ради наживы. Попробуем по-

другому. Для чего я сама могла бы пожелать, чтобы люди не могли покинуть деревню? Чтобы не уходили... не оставляли меня одну?

— Тут должен быть кто-то живой, — сказала я Нику.

— Да, я тоже об этом думал, — немного неуверенно сказал имперец. — Но почему он не вышел, если так жаждет общения?

— Может быть, боится? Или физически не может?

Увы, но мы никого не нашли. И даже телепатическое сканирование окрестностей ничего не дало — мы были одни в этой деревне.

— Я не хочу провести остаток жизни с тобой здесь, — мрачно сказала я Нику.

Мы выбрали самый приличный дом — долго принюхивались, но запаха гнили не обнаружили, и стали устраиваться на ночлег.

— Тогда сделай что-нибудь, — огрызнулся имперец. Кажется, он тоже не очень радовался открывающейся перед нами перспективе.

— Признаёшь, что я умнее? — удивилась я.

— Нет, напоминаю, что мы влипли в это из-за тебя, — огрызнулся Ник. У меня было другое мнение, но я чувствовала себя слишком усталой, чтобы спорить. И уже закрыла глаза, собираясь спать — мы устроились в одной комнате, на разных лавках, как Ник спросил:

— А ты не можешь нас так же телепортировать?

— Ты видишь тут залежи кхамира, которые можно связать кровью? — язвительно спросила. Нет, всё же он на меня странно воздействует, этот имперец.

Он немного помолчал, а потом вдруг спросил:

— А если я разблокирую твой дар? Весь дар, — как-то особенно подчеркнул он слово “весь”.

— Что? — только и смогла спросить я, садясь на лавке. Сон мгновенно убежал.

— Весь дар, — повторил имперец.

Да что ж такое, я не глухая! Я пояснений прошу. Но он молчал, и я внезапно севшим и охрипшим голосом спросила:

— Что ты имеешь в виду?

Вот если он опять просто повторит “весь дар”, я пойду и оттаскаю его за косу.

— Ты ведь намного сильнее, чем обычный второй пилот... — спокойно сказал Ник, не догадываясь о нависшей над его любимой косой угрозе. Я молчала, и он продолжил. — Я почувствовал это, когда ставил блок — у тебя уже стоял другой, сильный блок, причём довольно давний.

— Это не блок, — мрачно и разочарованно сообщила ему. Я-то уже надеяться начала... — Я выгорела. Десять лет назад.

— Это блок, — спокойно сказал Ник. — Странный и криво установленный, но блок. Уж поверь мне.

— И ты можешь его снять?

— Могу.

Я чуть было не закричала: “Да, да, снимай, скорее, снимай”, но не успела.

— Правда, вероятнее всего, ты сойдёшь с ума, — легким тоном, как будто речь шла о небольшом насморке, произнёс Ник. — Хотя, было бы с чего сходить... — добавил он чуть тише. И я молча запустила в него своим сапогом.

На следующее утро мы вновь мрачно обходили территорию — за ночь невидимая стена

никуда не делась. Периодически я возвращалась мыслями к предложению Ника снять блок... силу хотелось, а с ума сходить — нет. Тем более что выбраться это нам всё равно не поможет. И вдруг к деревне подошла девушка, я уже хотела крикнуть ей, чтобы она сюда не ходила, но у неё при виде нас с Ником сделалось такое виноватое выражение лица, что я поняла — она и так сюда не пойдёт. А если и зайдёт, то, вероятно, свободно выйдет, в отличие от нас. Кажется, мы имели честь видеть создателя данной аномалии.

— Мне так жаль... — первое, что сказала девушка. Она была... обыкновенной. Русые волосы, серо-голубые глаза, аккуратные черты лица...

— Это Вы создали? — на редкость любезно поинтересовался Ник. Я даже обернулась, крайне удивлённая — может же быть вежливым, когда захочет.

Девушка с несчастным видом кивнула:

— Да... наверное. Я не уверена...

— Выпустите нас, — взмолилась я, заработав неодобрительный взгляд от имперца. Это потому что в его диалог с девушкой вмешалась? Или он в принципе меня не одобряет?

— Но я не могу! — растерянно сказала девушка. — А давайте я буду вам еду приносить? И ходить к Вам в гости... Мы будем разговаривать... — в этом месте я с ужасом услышала в её голосе предвкушение. Она не может нас выпустить, потому что не хочет выпускать.

— А Вы — пара? — вдруг смущённо спросила девушка, и я замаялась с ответом — интуиция почему-то вопила, что надо сказать “да”, но всё остальное во главе с логикой и здравым смыслом противилось.

— Нет, — ответил Ник. Его, видимо, подобные противоречия не терзали.

— Ой, как здорово! — обрадовалась девушка, и не успели мы опомниться, как она, обмазав кровью ворота, зашептала какое-то заклятие. Видимо, закрепляющее.

— А если её убить, — совершенно уже не таясь, спросила у Ника, — мы сможем отсюда выйти?

— Теперь уже нет, — мрачно, но как-то спокойно изрёк имперец.

Девушка ушла, прощеветав, что вернётся вечером, а я одарила Ника тяжёлым взглядом.

— Правильный ответ был “да”. Где твоя телепатская интуиция?

— Я не так глуп, как тебе кажется, — огрызнулся он. — Мне надо, чтобы она зашла внутрь. Дальше я справлюсь.

— Ты же прекрасно воздействуешь на расстоянии, — прищурилась я на него.

Имперец некоторое время задумчиво меня рассматривал, явно размышляя, стоит ли говорить. Не знаю, что он там во мне рассмотрел, но решил пояснить:

— Из-за кхамира... ты, кстати, знаешь, что под землёй он движется? Так вот, из-за этого сложно рассчитать воздействие... но проблема даже не в этом...

Я молчала, боясь спугнуть этот приступ откровения. О враге надо знать как можно больше.

— Мои телепатические способности слишком быстро усиливаются... — сказал он, наконец, и я не смогла сдержать удивления:

— Это разве плохо?

— Плохо, — кивнул он и, скользнув взглядом по моему выражающему крайнюю степень недоверия лицу, продолжил. — Представь, что ты постоянно слышишь чужие мысли, и тебе надо всё время держать щит, чтобы не слышать. А когда ты сам думаешь, все вокруг думают вместе с тобой. И тебе нужен ещё щит, чтобы, когда ты думаешь о своей жене, например, о ней не думали то же самое все люди в радиусе ста, а то и более, метров.

— Ты женат? — не то чтобы меня это сильно интересовало, но я не знала, что ещё сказать.

— Помолвлен, — ответил он после небольшой паузы, и я отчего-то почувствовала удивление и разочарование. Возможно, потому что у меня с ним негласное соревнование, и он меня обставляет по всем фронтам?

— А ты? Свободна? — спросил он вдруг, и я почему-то соврала, это телепату-то:

— У меня друг есть.

Дождаться хозяйку ловушки мы решили внутри одного из домов — если мы будем торчать на виду у ворот, вряд ли она станет заходить... а вот если не найдёт нас, то, может, пойдёт проверить, не выбрались ли её новообретённые друзья. В ожидании я размышляла — как у местных жителей получается творить такие сильные вещи... ведь кхамир глубоко под землёй. Либо у них намного лучше выражен дар... либо дело в том, что кхамир движется, как сказал Ник. И поэтому как раз непонятно, что из твоих мыслей и желаний он выхватит и воплотит.

Девушка появилась, когда ещё не стемнело, однако мы уже давно доели припасы и изрядно проголодались. Повезло ещё, что колодец оказался нормальным. Мы слышали, как она ходит по деревне и зовёт нас всё более взволнованным голосом. Когда она подошла к дому, в котором мы прятались, Ник меня удивил — он встал рядом с дверью, показав мне жестом, чтобы я оставалась сидеть. Телепатия из-за угла?

— Вот вы где! — радостно и с облегчением воскликнула девушка, отворив дверь и наткнувшись взглядом на меня. Впрочем, радость быстро сменилась растерянностью. — А где... он?

— Здесь, — неподражаемым тоном сообщил Ник, приставив нож к горлу девушки.

— Ну ты даёшь! — расхохоталась я, когда мы покинули ворота деревни. — Вот это телепатия!

Сначала перепуганная девушка уверяла, что никак не может нас выпустить, но когда имперец сообщил, что знает верный способ выйти самому — перемазавшись с ног до головы в крови создателя этой деревни-ловушки, быстро согласилась нас вывести.

Ник наградил меня нарочито презрительным взглядом:

— Гвозди... микроскоп... улавливаешь?

Я улавливала. И чувствовала, что он рассказал мне явно не всё — с каких пор усиление способностей вызывает плохое самочувствие? Явно есть что-то ещё, о чём имперец умолчал.

Надо ли говорить, что перед тем как войти в следующую деревню, мы долго присматривались и даже принимались, хоть деревня и была на карте. Местные жители даже стали коситься на нас с подозрением. И это как раз окончательно нас успокоило. Предыдущую ночь — после деревни-ловушки, мы провели в лесу, причём большую часть времени шли — выпалили мы за день вынужденного безделья, да и упущенное время надо было навёрстывать. Так что мы совершили рекордный марш-бросок и часа за три до заката пришли к этому крупному посёлку. Здесь даже был постоянный двор, а у нас были деньги, и мы сняли комнату. Ник вроде хотел снять две, но свободна оказалась только одна.

— Вечером тут будет выступать Морис Серебряный голос, — сказал с отчётливо различимым благоговением хозяин — невысокий, полненький, но очень энергичный мужчина лет сорока, передавая Нику ключ. И мне сразу стало интересно на него, Мориса, посмотреть. И послушать.

Так что, поспав три часа, я спустилась вниз. Ника в комнате не было, когда я

проснулась, и засыпала я тоже в одиночестве, но вроде бы его постель была примята — нам повезло, и досталась комната с двумя кроватями. Иначе не знаю, как бы мы спали, возможно, мне пришлось бы лечь на полу, так как спать на одной кровати с имперцем я не собиралась, а он вряд ли проявил бы достаточно галантности и лёг на пол сам.

Мой спутник обнаружился за столиком в углу, ему только-только принесли еду, и я поспешила забрать у него миску с чем-то вкусно пахнущим и горячим — себе он, в конце-то концов, точно ещё закажет, а мне — не факт. Противиться и как-то комментировать Ник не стал, а я вдруг взглядом наткнулась на железную, даже, кажется, из нержавеющей стали ложку, она висела на стене за стойкой. Собственно, постоянный двор и назывался "Волшебная ложка". Я уже почти собралась подвести Ника к стойке и ткнуть носом в ложку, чтобы не вышло как с пуговицами, когда он мне просто-напросто не поверил, но тут заиграла музыка, и я отложила на потом. А когда человек в центре зала, до этого играющий на чём-то отдалённо напоминающем гитару, запел, я и вовсе всё позабыла. Сначала, потому что он пел на интересующую меня тему — про День Всепрощения и избранную в невесты божеству девушку — про невесту это что-то новое. Но уже в середине песни её содержание отошло для меня на второй план, важен был лишь голос. Его голос. И в голове стали появляться странные мысли. Вот он, — думала я. Это ради него я оказалась здесь. Преодолела немыслимое расстояние. Это для него я себя берегла, вот он — смысл всей моей жизни.

Сперва эти мысли казались мне самой странными, немного даже чужеродными, и я хотела обратиться к Нику, сказать, что со мной что-то происходит, но застенялась. А дальше уже места для сомнений не осталось.

В какой-то момент я услышала, как имперец сказал:

— Он как-то влияет голосом, но не могу понять, как. Ничего необычного, неправильного лично я не ощущаю.

— Я тоже не ощущаю ничего неправильного, — отрезала я, почувствовав на себе вопросительный взгляд.

Абсолютно ничего неправильного, наоборот — всё, наконец, стало правильным и понятным. Есть Он, и есть я, а все остальные — просто декорации для нашей истории. И этот настойчиво что-то спрашивающий у меня имперец — тоже, просто декорация, от которой, правда, слишком много беспокойства.

— Я не полечу обратно, — сказала я Нику, не сводя глаз с Мориса, когда тот закончил песню. — Мне здесь нравится.

Мелькнула мысль о Каринке, но она уже почти взрослая, у неё свои интересы... зачем я ей?

— Не лети, — на удивление легко согласился мой бывший спутник — теперь-то нам не по пути. Но тут же добавил. — Поможешь мне набрать кхамира, и оставайся на здоровье со своим облезлым менестрелем.

— Что? Что?! — я сердито посмотрела на этого наглеца. Нет, вы представляете? Этот крашенный пижон ещё смеет обсуждать чью-то внешность! И чью! Самого потрясающего... Самого... Тут я немного замаялась — прилагательные на ум не шли, зато пришла внезапно здравая мысль, что я ничего о предмете своего неожиданного обожания не знаю. Но началась следующая песня, и все сомнения сразу смыло новой волной преклонения.

И когда Морис объявил небольшой перерыв и, подмигнув мне, кивнул в сторону второго этажа, я, не раздумывая, пошла за ним. Не заметив, что Ник тоже пошёл. Менестрель, кстати, был вовсе не облезлый, и вообще, очень даже симпатичный.

Его комната оказалась через одну от нашей и, как только я вошла, он нетерпеливо произнёс:

— Давай по-быстрому, пока твой муж не хватился.

— Он мне не муж, — зачем-то сказала я, наблюдая, как он развязывает завязки на штанах. И, поняв, наконец, что именно товарищ предлагал "по-быстрому", мучительно покраснела. Меня разрывало от внутренних противоречий.

— Не муж? — подозрительно спросил Морис. — А ты вообще замужем?

Я покачала головой, и он сразу заторопился ещё сильнее, только уже в другом направлении — привёл одежду в порядок и выставил меня за дверь.

Я стояла спиной к захлопнувшейся за мной двери и недоумённо моргала. В голове царил полный сумбур. Иррациональная уверенность, что это Он, Тот самый, взявшаяся не пойми откуда, тянула вернуться в комнату и объясниться. Гордость говорила, что возвращаться туда, откуда выставили, негоже. А здравый смысл слабым, но набирающим силу голосом вопрошал: а что я тут, собственно, делаю? И тут я увидела Ника, и этакую понимающе-злорадствующую ухмылочку на его лице.

— Чего-то быстро он, — язвительно заметил Ник. — Не получилось?

Скотина, — подумала я. Ну какая же скотина — знал, что я нахожусь под воздействием, но не остановил меня. А если бы менестрель не уточнил про мужа, и мы бы с ним... того... этого... Ну, вы поняли. Меня аж передёрнуло. И я, подобрав платье неприлично высоко — всё равно ещё штаны поддеты, заехала имперцу ногой в лицо. Точнее, попыталась, он успел среагировать и отступить, но моя злость требовала выхода. Я снова бросилась на него, на этот раз намереваясь ударить сначала кулаком, а потом уже коленом. Теперь Ник отступить не стал, наоборот, шагнул навстречу, сгрёб в охапку и, запихнув в нашу комнату, быстро закрыл дверь на ключ. С той стороны.

— Трус! — крикнула я ему, стукнув по двери. Но мне никто не ответил.

То, что это был не экспромт с его стороны, и он планировал запереть меня заранее, я поняла довольно быстро — уходила из комнаты последней я, и я её запирала. В чём-то Ник даже был прав, наверное, — не стоит мне слушать этого странного Мориса, но какого дьявола он всё это проделал молча? Мог бы и объяснить. Я — адекватная. Уже. Почти.

Ник вернулся часа через два, и я успела хорошо подготовиться. Сделала на своей кровати силуэт человека, сняла платье, оставшись в штанах и майке, и перетасила табурет на нужное место.

Услышав ключ, метнулась неслышно на табурет и затаила дыхание. Нет, я уже совершенно на него не злилась, но мне было крайне интересно попробовать его победить, пусть даже и застав врасплох. О том, что он может практически рефлекторно меня убить, я как-то не задумывалась.

Ник сделал пару шагов в комнату, и я прыгнула. План был напрыгнуть сзади и слегка придушить, чисто символически, но скорость его реакции оказалась на уровне — успел развернуться, хорошо хоть отойти не успел. Я всё равно на нём повисла, чуть не расшибив нос о его плечо, но как-то это не выглядело уже безоговорочной победой. Положение усугубилось ещё тем, что имперец не смог удержать равновесие после моего прыжка, а может, и не захотел просто, но в любом случае он сделал два шага назад и, упёршись в кровать, рухнул на неё.

— Ринааа, — протянул этот гад, почему-то поглаживая мои бёдра. — Я же говорил, что не свободен, у меня невеста есть. Держи себя в руках как-то...

И я решила держать. Вернее, держаться... первоначального плана и придушить негодя. И вовсе даже не символически.

— Но я рад, — сказал он, уже откровенно посмеиваясь и совершенно не обращая внимания на мои руки на своей шее, — что ты снова в своём уме и понимаешь, что я — самый лучший, самый красивый, самый...

— Кто на свете всех милее, всех румяней и белее... — передразнила его я и убрала руки с шеи. А он свои от меня не убрал, пришлось по ним шлёпнуть.

— Никогда так больше не делай, — вдруг серьёзно сказал Ник. — Не знай я, что это ты стоишь за дверью, ты была бы уже мертва.

И убрал, наконец, руки. Я поспешно слезла с него, перебралась к себе на кровать и уже оттуда спросила:

— Как узнал?

Он молчал, и я уже забилась под одеяло, выпихав на пол муляж, и буркнула "Спокойной ночи", потеряв всякую надежду, как вдруг:

— Слушать стало очень легко. Мысли я пока, к счастью, не слышу, но мозговую активность ощущаю. — И без перехода. — Спокойной ночи.

— Поговорил я с твоим менестрелем, — произнёс слишком рано утром слишком бодрый и выспавшийся голос имперца.

— Он жив? — спросила я, не открывая глаз.

— Жив, здоров, почему нет-то?

— Жаль, — сказала, накрываясь одеялом с головой — Ник начал что-то насвистывать и вообще вёл себя шумно.

— Не хочешь узнать, что он мне поведал? — не унимался мой враг — сейчас вот я точно ощущала его врагом... очень шумным и назойливым врагом моего сна. И так уже еле живого.

— Перед смертью? — решила тоже не сдаваться я. Всё же на Мориса у меня имелся огромный зуб.

— Если хочешь, я его убью, — любезно предложил Ник. — Или побью, или ещё что...

Я, не веря, высунула голову из-под одеяла.

— Правда?

— Правда. Если согласишься тайно работать на Империю, когда вернёмся.

— Иди ты... — мрачно сказала я, садясь на кровати и натягивая сапоги. Поспать уже всё равно не выйдет. А удобства во дворе.

Умывшись — вода была ледяная и странным образом подняла мне настроение, я нашла Ника завтракающим в общем зале на первом этаже, там же, где вчера играл этот... Морис. И — о чудо! — рядом с имперцем стояла ещё одна порция. Вроде даже мне. Не отравленная, надеюсь?

— Плюнул? — спросила я, садясь за тот же стол, но как можно дальше от своего спутника. Он меня очень сильно задел этим своим предложением совершить предательство. Да, вроде как, ход вполне логичный, но как-то... мерзко.

— Дура, — сказал Ник, и взгляд его сказал то же самое.

— Угу, — сказала я. — Куда уж мне до умного Тео.

Он так вздохнул, что я явственно ощутила — обозвал дурой ещё раз.

— Так вот, менестрель... — сказал Ник. Я молчала. И не отрывала взгляд от миски. Он вздохнул ещё раз и продолжил. — Его дар... — я невольно скривилась. — Он получил его в

храме.

Я удивлённо приподняла брови, но на имперца всё ещё не смотрела.

— Он должен был стать жрецом, но сбежал после первого года подготовки. И поэтому у него только зачатки дара.

Ничего ж себе, зачатки, — подумала я, но вслух сказала:

— То есть, жрецы — телепаты?

Чтобы не смотреть на Ника, глазела по сторонам, и вздрогнула, наткнувшись взглядом на Мориса, входившего в зал. Впрочем, он при виде меня тоже вздрогнул и, кажется, побледнел. И даже сделал инстинктивное движение назад. Я полюбовалась на фингал под его левым глазом — вот за кого-то заступились, не то что за меня. Стало опять обидно.

— Как-то ты не очень старательно охранял мою честь, — попеняла я Нику. — А как же твой план по принесению меня в жертву в День Всепрощения?

— План в силе. И всё было под контролем, не переживай. Если бы он не выставил тебя сам, я бы вмешался.

Нет, ну что за гад! Даже сейчас умудрился сказать всё так, как будто это я оказалась недостаточно хороша для этого паршивого менестреля. “Выставил”... тьфу!

И про принесение в жертву возражать не стал... Мерзавец.

Весь день я избегала смотреть на Ника и разговаривать с ним, держалась на шаг позади. Так мы и вошли в город, в котором через три дня должна была быть объявлена божественная воля. Город назывался “Алый”, и своё название оправдывал — почти все крыши были именно этого цвета.

Когда мы шли через рыночную площадь, я вовсю глазела по сторонам и немного отстала от имперца — он как-то беспрепятственно проходил сквозь толпу, я же засмотрелась на выступление бродячего цирка, и толпа сомкнулась передо мной непроходимыми рядами. Тут же подлетела женщина неопределённого возраста, с сильно подведёнными глазами, и схватила меня за руку. Я чудом удержалась и не стала её приземлять, как того рыжего в баре. Возможно, зря.

— Вижу, ждёт тебя испытание! — сразу перешла к делу женщина. Обычно я с презрением отворачивалась и уходила, когда мне пытались гадать, но тогда я и в телепатию не верила. А на этой планете вообще творится чёрт-те что. Может, и гадалки тут настоящие? Хотя, начало не очень-то впечатляющее — у кого в жизни не встречаются испытания?

— Огнём, водой и медными трубами? — решила я поддержать беседу. И тут женщина меня удивила:

— Медные трубы у тебя уже были, — усмехнулась она, — да не справилась.

Ну что ж, по крайней мере, прошлое, какое-никакое она видит. Или виртуозно угадывает.

— Ты сторишь, — вдруг безапелляционно заявила женщина.

— И если я Вам заплачу, Вы скажете, как этого избежать? — недоверчиво фыркнула я, разом теряя интерес.

— Нет. Не скажу. Синее пламя сожжёт тебя, что бы ты ни делала, — печально сказала гадалка, отпуская мою руку.

Ха! Да я мечтаю о том, чтобы ещё хоть раз подержать в руках синий огонь. Так что её предсказание я расценила куда более оптимистично, чем она сама.

— Спасибо! Вы меня очень обнадёжили! — искренне сказала я ей и, найдя, наконец, взглядом Ника, устремилась к краю площади, где он стоял.

Не знаю, заметил ли он, что я не просто отстала, а разговаривала с гадалкой, но ничего не сказал. Вернее, сказал, но совершенно другое.

— Денег нам хватит на две ночи, а на третью придётся тебе как-то заработать... Может, посуду устроишься мыть?

Я уставилась на него в немом изумлении, пытаюсь понять, шутит он или нет. С одной стороны, вроде шутит, а с другой — глаза серьёзные.

— Нет, — с вызовом сказала я. И удивилась сама себе. Можно подумать, он мне на панель предложил пойти. Я вполне отдавала себе отчёт, что будь на месте Ника, например, тот же Рэми, я бы, наверняка, согласилась без проблем. В конце концов, у меня прислуги никогда не было, всю жизнь посуду сама мыла, пока посудомоечную машину не завела, и ничего. Так что дело явно в Нике. И, так как он ждал пояснений, я подкрепила свой отказ железным аргументом:

— Ты же мужчина!

— Мужчина, — не стал отпираться Ник. И миролюбиво поинтересовался. — А ты мне кто? Не мать, не сестра... вроде бы. Может, любовница? — заинтересованно покосился на

меня.

— Твой шанс вернуться домой, — огрызнулась я. — Но можешь меня удочерить.

— Пфф, — сказал имперец, и больше мы к этому вопросу не возвращались.

А вечером Ник развлекал публику не хуже менестреля — в ход пошли и сказки, и пересказы фильмов, и даже стихотворные баллады. Я слушала и диву давалась, как ловко он перекладывает стихи на другой язык. Рассказывал он действительно хорошо, но что-то мешало мне расслабиться и получать удовольствие. И даже сладкий компот неумовимо, но ощутимо горчил. Опасности я не чувствовала... Может, восхищённые взгляды подавальщиц, устремлённые на рассказчика? Или такие же взгляды постоялиц? Нет, не то, всё не то...

На кухне мне обрадовались — из-за грядущего Выбора гостей было много, ведь к этому дню была приурочена и большая ярмарка, так что дополнительные руки были нужны. Правда, идти в зал подавальщицей я отказалась и, как и предлагал Ник, приступила к мытью посуды. И на душе, наконец, стало спокойнее. Правильнее.

За этим занятием меня и застал имперец — мыла я тщательно, а такой сноровки как у остальных у меня не было, так что после закрытия я осталась домывать свою часть.

Это оказалось тяжелее, чем я предполагала — от длительного нахождения в холодной воде руки ломило, и они покраснели. И дико болела спина от неудобного положения внаклонку.

— Может, всё же удочеришь? — простонала я, увидев прислонившегося к дверному косяку Ника.

— А может, в любовницы? — вроде шутливо спросил он.

— У тебя же невеста есть! — фыркнула я. На что он невозмутимо пожал плечами:

— Так я вроде тебя не замуж и зову?

— Скажи, что ты это несерьёзно, — предложила я ему. — А то мне придётся разбить вот это, — я потрясла увесистым глиняным кувшином, который мыла в данный момент, — о твою бестолковую крашеную голову. А вдруг он стоит больше, чем мне полагается за мытьё?

Вместо ответа он встал рядом со мной, закатав рукава, взял миску из стопки грязной посуды... и начал мыть.

— Так ты не аристократ? — разочарованно спросила я. — Ни слуг, ни особняка, ни титула?

— А с чего ты вообще взяла, что я — аристократ? — насмешливо спросил Ник.

— Вид у тебя такой, — охотно пояснила я. И уточнила. — Зазнайский. Особенно тогда, на смотровой площадке был.

Вдвоём мы быстро расправились с посудой и, уставшие, отправились в комнату. Уже на лестнице Ника окликнул хозяин — рассчитаться, а я зашла в комнату. И укоризненно уставилась на единственную в помещении кровать. Как будто кровать была как-то виновата в собственной исключительности.

Первым моим порывом было просто распластаться на кровати, и пусть имперец отправляется спать на пол. Но, принимая во внимание его намёки, вдруг он расценит это как согласие? Кто его знает, серьёзно он говорил или нет. И я устроилась на полу, как бедный родственник — самой себя было жалко, на покрывало легла и им же укрылась. И сразу заснула.

Спалось мне на удивление хорошо... впрочем, неудивительно — открыв глаза, я обнаружила себя на кровати, почти в обнимку с имперцем. "В постели с врагом", — подумала я. Кажется, был такой старый-старый фильм, ещё до "три дэ". Недостойный порыв

спихнуть врага с этой самой постели я сдержала — всё же он не оставил меня спать на полу. И руки не распускает, — подумала я и распустила сама. Потрогала косу — нравилась она мне, и красные пряди на висках — там волосы были жёстче. И мне показалось, что сами пряди стали толще, видимо, я плохо его рассмотрела. Или с расстояния и стоя кажется по-другому.

— А мне тоже можно что-то потрогать? — зевая, но с интересом спросил вдруг крепко спящий, по моему глубокому убеждению, Ник.

— Тебе нельзя, — не стала смущаться и отдёргивать руку. — А зачем ты красишь их?

Я слегка дёрнула за красную прядь, и имперец скривился. Затем вздохнул.

— Я отвечаю на твой вопрос, а ты на мой, идёт?

С опаской, предполагая подвох, но я всё же согласилась. Подвох не заставил себя ждать.

— Ни за чем, — сказал имперец. И, выждав несколько секунд, добавил. — Не морщись так обиженно. Не крашу я их. Твоё настоящее полное имя?

Он вроде бы всё так же расслабленно лежал рядом, но у меня было ощущение, что весь как-то подался вперёд, ещё и лампой в глаза вот-вот начнёт светить. Вот что надо спрашивать, — зло подумала я. Имя, звание, регалии... а не глупости всякие.

— Давай другой вопрос, — мрачно сказала ему.

— Задам, — Ник ответил не сразу, некоторое время пристально меня рассматривал. — Но позднее. Ещё вопросы?

— Нет, — буркнула я и отправилась умываться. Не знаю, хотел ли Ник получить на самом деле ответ на свой вопрос, или это была стратегия, чтобы избавиться от моих вопросов, но последнее ему прекрасно удалось.

После завтрака мы направились к храму, где уже через два дня должен был состояться выбор. То есть, Выбор. Сам храм мне неожиданно понравился, хотя снаружи он больше походил на библиотеку или театр. Внутри мы не пошли — храм был закрыт для посещений утром, но выяснили две важные вещи: во-первых, девушкам-претенденткам надлежало сегодня или завтра появиться в храме для беседы — об этом с завидной частотой и периодичностью объявляли жрецы, расхаживающие снаружи храма, а во-вторых, там была мощная защита от телепатии. Ник, кажется, немного загрузил, но от своего плана пока не отказался. Меня же больше занимал вопрос — неужели девушки идут на это добровольно? На что они рассчитывают? И почему никого не заботит судьба предыдущих избранных? В повальный альтруизм и желание погибнуть во имя процветания человечества мне не верилось чего-то, скорее, девушек либо заставляют, либо заманивают какими-то благами.

Идти со мной на ярмарку Ник отказался, и я пошла одна. И была даже рада, что он не рядом, слишком много его стало в моей жизни. Да, мы зависим друг от друга, но это не повод забывать, что мы враги. И у него невеста есть, — вспомнилось почему-то, и упало в копилку претензий к имперцу. Да он вообще предательство мне предложил!

— Желаете что-то приобрести? — вырвал меня из раздумий жизнерадостный женский голос. Оказывается, занятая раздумьями, я уже несколько минут стояла у одного из прилавков.

— Нет, спасибо... Извините... — я, виновато улыбнувшись торговке, двинулась дальше. Увы, но надписи на книгах, а она продавала именно книги, были мне совершенно непонятны. Либо это другой язык, либо, что более вероятно, мужчина, поделившийся с нами знанием языка, не умел читать.

На постоянный двор я вернулась часа через два, уставшая, но в прекрасном настроении.

Пройдя через общий зал, я уже подошла к лестнице на второй этаж и взялась за перила, когда меня окликнула Мари — одна из тех, с кем мы вчера весь вечер бок о бок мыли посуду.

— Твоего... — сказала она, вытирая руки о передник — видимо, что-то делала на кухне, но выбежала, увидев меня, — жрецы забрали.

— Что? — спросила я, оборачиваясь и опускаясь на ступеньки, хотя прекрасно всё расслышала. — Как? Как так?

Спрашивала я, скорее, саму себя и мироздание, но Мари решила, что вопрос адресован ей.

— Час назад, — охотно стала рассказывать она, — двое за ним пришли. Он сам с ними и пошёл, да это и понятно — кто ж будет со жрецами спорить?

Мы были слишком беспечны, — пришло ко мне запоздалое понимание. Даже после того, как узнали, что жрецы — телепаты. Да что там, надо было вести себя по-другому с того момента, как Ник сказал, что телепатию не сможет использовать регулярно. Он слишком приметный, с этими своими волосами — надо было их перекрасить! А вчера ещё и привлёк дополнительное внимание, менестрель недоделанный...

Я растерянно поблагодарила Мари и поспешила уйти подальше от этого постоянного двора. Мне надо было подумать, а там у меня было ощущение, что и за мной вот-вот придут, и от этого накрывало бессмысленной паникой.

Итак, что мы имеем? — я растерянно брела по какой-то улице. Ник ушёл со жрецами. Причём, пока не ясно — по своей воле, или на него воздействовали. Если исходить из худшего — что Ник не смог противостоять их воздействию и всё рассказал... то они, скорее всего, сочли его помешанным. Что, в общем-то, не так уж и плохо на самом деле — может, и не будут искать воображаемую подружку безумца.

Если же Ник успешно противостоит их телепатии, то он, вероятно, тоже не стал особо распространяться про меня... потому что кроме меня его оттуда вряд ли кто вызволит.

Никакой особой ценности для жрецов, в отличие от самого Ника, я не представляю, так что выменять свою свободу на мою он вряд ли сможет. А теперь главный вопрос: что мне делать дальше? Освободить ли Ника? Как освободить — это уже следующий вопрос, до которого дело может и не дойти...

Вариант первый: я его освобождаю, после чего он реализует свой план по принесению меня в жертву в соответствии с ежегодной традицией данной планеты и счастливо отправляется домой к невесте.

Вариант второй: я его освобождаю, но план с избранием меня не складывается, и мы вместе добираемся до кхамира и возвращаемся к родным звёздам. После чего он берёт меня в плен или убивает, потому что я слишком много теперь знаю про него и про существование телепатии. Хотя знаю я не так уж много, но...

Вариант третий: я оставляю его жрецам, а сама спокойно прихожу в храм и либо становлюсь избранной — что вряд ли, либо слежу за избранницей и вслед за ней добираюсь до кхамира. И отправляюсь домой, захватив в плен имперский корабль. С большим количеством кхамира это труда не составит. А Ник... а что Ник? Он мне враг, в конце-то концов.

Вариант четвёртый — обустроиваться тут, я даже не рассматривала. Во-первых, к нему никогда не поздно вернуться, а во-вторых я — раб цивилизации. Удобства во дворе и отсутствие нормальной медицины меня пугают.

По-моему, выбор очевиден, — подумала я, — Ника вызволять не стоит. И, вздохнув,

перешла к следующему вопросу — как я могу вытащить из храмовой тюрьмы, или где там жрецы держат всяких подозрительных личностей, этого проблемного имперца.

У меня не было денег, чтобы нанять банду или же подкупить кого надо в храме. Да и опыта, честно говоря, в этих делах не было. Как это сделать-то? Сунуться в самый неблагополучный район города в надежде, что меня там не ограбят и не изнасилуют, а отведут к главарю, честному и благородному разбойнику, который поссорится с храмом, вместо того, чтобы отобрать у меня эти гипотетические огромные деньги? Или прийти в храм и тонко сыграть на знании психологии, вынудив какого-нибудь жреца мне помочь? Особенно, учитывая их способности к телепатии... Ага.

Верной командой соратников мы с Ником тоже как-то не обзавелись... Тупик, какой-то вырисовывается, дамы и господа.

А что, если... — неожиданно появилась мысль, — что, если жрецы не обладают телепатией в полной мере, и вся их власть — в голосе? С этой предпосылкой уже можно было как-то работать.

План получился...шаткий. Слишком много в нём было мест, где что-то могло пойти не так. Начиная от базовой предпосылки — если жрец окажется полноценным телепатом, то мне хана, и до того, что Ника могли держать далеко от храма. Не говоря уже о случайностях, которые порой разрушают даже куда более крепкие и продуманные планы. Вообще, я здорово рассчитывала, что Ник находится в здравом уме и трезвой памяти, при способностях, и поможет с отходом. Иначе будет сложно.

Я сокрушённо ещё раз подумала “И зачем я в это лезу?” и вошла в храм. Сейчас было время для “бесед” с девушками-претендентками, и моё появление не привлекло особого внимания. Я не торопилась на беседу, присматриваясь к жрецам. И чего я, дура такая, не расспросила Мари, как выглядели приходившие за Ником служители храма?

Этот слишком уверен в себе... смотрит доброжелательно, но слишком твёрдо. Не подходит. Этот... слишком фанатичный блеск в глазах — умрёт за правое дело, но не уступит даже в пустяках — не подходит. Эти двое почему-то вместе беседуют — тоже не подходят, мне бы справиться с одним... Вот... Вот он, мой герой. То есть моя предполагаемая жертва — молодой, худощавый, с таким высокомерным блеском в глазах, что сложно не различить стоящую за ним неуверенность. Я понаблюдала за молодым жрецом ещё немного и уверилась во мнении, что это мой “клиент”. И пошла к нему на “беседу”.

— Проходи, сестра, присаживайся, — немного манерно предложил жрец, окидывая меня снисходительным взглядом.

Я, старательно изображая робость, волнение изображать не требовалось — оно и так было, присела на краешек кресла и бросила быстрый взгляд на окружающую обстановку. Маленькая комнатка, даже каморка, наверное, метр на два, из мебели — только два кресла и маленький столик у стены сбоку, на котором стоит корзина с браслетами. На большинстве выходящих из храма девушек я видела такие браслеты. Но не на всех. Получается, что некоторых не допустили?

— Итак, сестра, зачем ты здесь? — спросил жрец, усаживаясь в кресло напротив и беззастенчиво меня разглядывая.

— По зову сердца, — ответила я, пытаюсь определить, влияет он на меня как-то или нет. Вроде ничего не чувствую. Но, может, это потому что Морис был недоучкой, а этот — профи?

— Невинна ли ты, сестра? — спросил безразличным тоном жрец, но я ощутила

невыносимое желание сказать ему правду. Вообще всю. Про Ника, корабль, кхамир, и даже про мою далёкую юность. Спасло только то, что он хотел знать ответ на конкретный вопрос.

— Да, — выдавила я из себя и мило покраснела... от усилия сдерживать рвущиеся следом признания в недостойных намерениях. Кажется, я здорово себя переоценила. Или недооценила профессиональную подготовку жрецов.

— Хорошо, — прозвучал скупающий голос, и меня, наконец, отпустило.

Пока я переводила дыхание, на моей руке защёлкнулся браслет, и жрец, поднимаясь из кресла, произнёс:

— До встречи в День Выбора, сестра. Да будет Он к тебе добр.

Я с ужасом поняла, что не знаю, что полагается отвечать. Да и вообще, нужно ли? И нужно ли называть жреца братом, раз он зовёт меня сестрой? Или как-нибудь по-другому надо его звать? Ваше Святейшество? Ваше Жречество?

Хотя, какая разница как называть того, к чьему горлу приставила нож?

— Молчи, — сказала я, чуть надавив — чтобы выступила капелька крови, и жрец проникся серьёзностью намерений. — И будешь жить. Попробуешь влиять — язык отрежу.

— Что тебе нужно, сестра? — мягко и укоризненно спросил жрец, и меня накрыло волной стыда и желанием отбросить нож. Только воспоминание о Нике помогло мне как-то удержаться, но я ощущала себя в тупике. Воистину, не произноси угроз, которые не готов выполнить. И что мне теперь делать? Я совершенно не собиралась ничего отрезать этому мальчишке. Мне всего-то надо было у него узнать, где держат имперца. И как его оттуда вытащить.

— Опустит нож, девочка, — произнёс новый голос, и тут я уже противиться не смогла, разве что укоризненно посмотрела на руку с ножом, которая перестала слушаться хозяйку. Кажется, это конец.

Обречённо я смотрела, как моя неудавшаяся жертва вытирает капли крови с горла, удивлённо разглядывает свою окровавленную руку, и та сжимается в кулак, чтобы устремиться к моему лицу.

— Не стоит, брат Луфус, — остановил его всё тот же голос. — А ты, малышка, иди со мной.

Малышка, ага. Да я по их меркам старая-престарая дева, просто сохранилась хорошо. Пока мы шли — куда-то вниз, под храм — сразу в темницу? — я прощалась с жизнью. Как ни странно, я не жалела, что пришла сюда за Ником, жалела я о другом — что мало говорила Каринке, что люблю её, что не родила своих детей, не прыгнула с парашютом, не научилась танцевать вальс и ездить верхом...

— Ты думаешь на странном языке... — сказал вдруг жрец.

Мы зашли в комнату на "минус первом" этаже, это оказался кабинет, а приведший меня жрец оказался как раз тем самым, слишком уверенным в себе, на которого я первым обратила внимание. Он был высоким — примерно как Ник, но шире в плечах... и вообще шире. Глаза у него, кстати, были синими, а волосы тёмными, почти как у меня.

— Храм блокирует любое воздействие, кроме голоса, поэтому нам пришлось спуститься, — зачем-то пояснил мне жрец, вполне любезным, даже слегка извиняющимся тоном.

Прости Ник, — подумала я. Сейчас я сдам тебя с потрохами. Лучше бы действительно не спасала, глядишь, ты был бы целее.

— Итак? Будем говорить? — мягко спросил жрец.

— Будем, — покладисто согласилась я. А чего бы не поговорить, пока не давят? Тем более что он может читать мысли, как совсем недавно продемонстрировал.

Он молчал, и я, чувствуя себя неловко под изучающим взглядом, сказала:

— Я вовсе не собиралась причинять ему вред. Правда.

— Ты приставила нож к его горлу, — не поверил мне мужчина.

Ну, да. Не поспоришь.

— Меня зовут Рина, — вдруг сказала я... и, несмотря на желание замолчать, продолжила говорить. Давления я не чувствовала, просто не могла остановиться. — И я всего лишь хочу вернуться домой. Но если я Вам всё расскажу... перестаньте на меня давить, пожалуйста! Так вот, если я Вам расскажу, Вы сочтёте меня сумасшедшей...

Он продолжал молчать, и я выболтала ему всё. И про Ника, и про кхамир... И даже про свой потерянный, то есть, по словам Ника, заблокированный дар.

По его лицу было совершенно непонятно, что он обо всём этом думает.

— Меня зовут Марк, — вдруг сказал он, когда я обессиленно замолчала. — И я тебе не враг.

Не враг, но палач? — мрачно подумала я. А он добавил:

— Мне надо подумать. Продолжим разговор завтра утром.

На ночь меня отвели в камеру, ещё на этаж ниже. Лязгнувший за спиной замок решётки стал последней каплей для моей изрядно расшатанной сегодняшними событиями нервной системы, и я, всхлипнув, сползла на пол. Что же я натворила?

— Рина? — удивлённо спросил Ник из камеры напротив. — Что ты тут делаешь?

Я сжалась, мечтая провалиться на минус третий этаж, если он тут вообще существовал. Что мне ему ответить? Шла тебя спасать, но вместо этого заложила по полной? Или сделать вид, что это вообще не я?

— Я всё испортила, — горько вздохнув, всё же призналась Нику. — Жрец по имени Марк вытряс из меня всё... Да что там вытряс, он просто смотрел, а я ему всё выболтала. Прости.

Последнее слово я прошептала совсем тихо.

— А как ты вообще с ним повстречалась? — спросил вроде бы не сильно расстроенный Ник. — Они и тебя с постоянного двора забрали?

Я мучилась и молчала. Почему-то признаться, что шла его спасать, было невыносимо. Но и врать тоже не хотелось. Может, он удовлетворится собственными предположениями и монологом? Увы, сегодня, видимо, был день моих несбывшихся надежд.

— Рина? — требовательно позвал имперец, не дождавшись ответа.

Я глубоко вздохнула, как перед прыжком в холодную... нет, совершенно ледяную воду, и как можно беззаботнее сказала:

— Я искала тебя.

М-да. Беззаботно не вышло. Обиженно-обеспокоенно вышло. Ник молчал довольно долго... потом как-то немного нерешительно произнёс:

— Это было лишним... но я тронут.

Я ждала, что он добавит что-то язвительное, но нет. Он ещё некоторое время помолчал, а потом добавил:

— Я тоже говорил с Марком.

И не успела я удивиться — неужели жрец настолько силён, что и Ника "вытряс", как имперец уточнил:

— Сам говорил. Возможно, у нас получится договориться.

Засыпала я плохо. Давил каменный потолок, терзали неопределённость будущего и дискомфорт в настоящем, и царапало, скребло душу разбуженное прошлое. Правда, на все свои прошлые поступки и воспоминания я теперь смотрела по-другому. Мне, как и прежде, было больно, но на этот раз не от того, что я утратила, а от того, насколько бездарно я распорядилась своей жизнью после. Из всех поступков в моей жизни сейчас мне виделась только два достойных — опекунов над Каринкой и, как ни странно, попытка спасти Ника. Хоть и провалившаяся.

На следующее утро нас с имперцем отвели в уже знакомый мне кабинет.

— Мне омерзительно, — сказал Марк, когда мы остались втроём, — омерзительно отправлять каждый год на смерть невинного человека... невинную девушку. Но другого способа убрать все эти порождения больной фантазии граждан, я не знаю. Не знал. И мне всегда было непонятно по какому принципу сбываются желания, пусть и криво, но сбываются. Я знал очень достойных людей, которые, даже обладая даром, ничего не

получили. А знал и негодяев, на которых исполнение желаний сыпалось, как из рога изобилия. Этот ваш... кхамир, многое объясняет. И я хочу, чтобы он замолк навсегда. Никаких чудес. Никакого Всепрощения. Моё предложение: вы убиваете весь кхамир, который не забираете с собой. А я помогаю вам до него добраться.

Тут он оглядел нас — выглядели мы, думаю, неважно — Ник так точно, и чуть насмешливо спросил:

— Что будет, если не согласитесь, рассказывать?

Мы сидели в креслах напротив Марка, и нам даже принесли некое подобие завтрака, так что я скромно молчала и жевала, предоставив имперцу вести разговор. Пусть эти чёртовы телепаты сами договариваются. Я и так вчера сказала куда больше, чем хотела.

— И как же мы его, весь этот кхамир, убьём? — поинтересовался Ник, закидывая ногу на ногу и заламывая бровь. И Марк, ничтоже сумняшеся, меня заложил:

— Дар Вашей спутницы, уважаемый. Вы ведь сможете его разблокировать?

— Полагаю, да, — Ник задумчиво рассматривал меня разом похолодевшими глазами. Кажется, мой дар чем-то ему не угодил? Или это потому что я всё выболтала?

— Некоторых из нас, — продолжил Марк, имея в виду, вероятно, других жрецов, — текущее положение вещей более чем устраивает. Поэтому к месту обитания бога, — тут он немного насмешливо и горько скривился, — вы отправитесь, как его избранница и её сопровождающий.

Ну вот, и снова здравствуйте. А я-то уже понадеялась откосить от роли жертвы, пусть даже и жертвы понарошку. Хотя, так ли понарошку? Сколько от меня потребуется отдать сил, чтобы убить весь кхамир? И сколько времени придётся там провести?

— Как вторая избранница, — добавил в это время Марк, и я не сдержала удивления.

— Вторая?!

Жрец кивнул и пояснил:

— Я не могу рисковать. Если Вы не справитесь, то будет проведён самый обычный ритуал очищения, а ты... — он посмотрел на меня, — для него не годишься. Нужен человек без дара.

[Купить полную версию книги](#)